

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

1

2007

С Новым годом!

2007

1-6

А. ДАНИЛКИН, доктор биологических наук, профессор

Трофейная охота: проблемы и перспективы

Трофейная охота имеет давнюю историю. Со времен палеолита люди украшали свое жилище рогами, черепами и шкурами добытых ими животных, что служило символом охотничьей доблести, а в последние столетия — признаком состоятельности. Стремление к добыче самого крупного зверя с самыми большими рогами, клыками, черепом или шкурой стало движущей силой трофейного охотничьего туризма, несмотря на высокую стоимость этого мероприятия. Цена охотничьего тура на горного и снежного баранов колеблется в пределах 20 000—50 000, благородного оленя — 2000—8000, лося — 1000—5000, европейской и сибирской косуль — 500—2500, кабана — 500—2000, медведя — 1500—8000, рыси — 1500—3000, волка — 500—1500, долларов США. В ряде республик охотничий туризм стал одним из основных источников доходов. В Венгрии, например, ежегодные поступления в казну от этого бизнеса достигают 60 млн. евро, а во многих африканских странах охотничья отрасль по доходности стоит на третьем-пятом месте. Совокупные доходы от охотничьего туризма в России эксперты тоже оценивают в миллионы долларов США при потенциале в сотни миллионов.

«Правильная» охота. Организаторы и любители трофейной охоты дали ей название «правильная», отличая от других направлений. Безусловно, в этом есть доля истины, если рассматривать принципы трофейной охоты — спортивное, этически безукоризненное и юридически законное преследование диких животных в условиях естественного обитания с целью их добычи. Осуждаемым нарушением кодекса этики считается:

- обнаружение животных с воздуха;
- использование любого летательного аппарата для нагона их на стрелков или отстрела, включая последовавшее за этим приземление с целью преследования и добычи;
- использование в этих целях любого мототранспортного средства и любых электронных средств для привлечения или обнаружения, охота на зверей, находящихся в бедственном поло-

Группы охотников за трофеями нередко истребляют всех элитных самцов копытных в локальном районе еще до периода гона, в результате чего самки остаются непокрытыми

Фото А. Лыскова

жении; содержащихся в неволе или полувольных условиях; специально перемещенных для трофейной охоты; на подкормочных площадках;

— добыча с нарушением существующих законов.

На регистрационном бланке охотничьего трофея охотник ставит свою личную подпись под следующим утверждением: «Настоящим я подтверждаю, что животное было добыто мною без каких-либо нарушений законов по охране дикой природы и этических принципов охоты страны или провинции, в которой происходила охота. Я также подтверждаю, что мною не были нарушены законы моей страны, регулирующие охоту на это животное и его ввоз». Лучшие трофеи, измеренные по специально разработанным системам (SCI, CIC и др.), заносят в Книги трофеев охотничьих животных и демонстрируют на региональных и международных выставках. Трофеи животных, добытых незаконными способами или с нарушением этических принципов, в Книгах не регистрируют. Однако существует обратная сторона «правильной» охоты, которая обычно замалчивается.

«Черные сафари». Созданная трофейная система — соревновательная по духу и сути, провоцирующая добычу самых крупных зверей (с рекордными рогами, клыками и черепами) всех ви-

дов и рас, включая редкие и исчезающие, занесенные в «красные» книги и нуждающиеся в особой охране. Отсюда и многие проблемы, которые до предела обострились в России и других странах бывшего СССР, куда с началом политических и экономических реформ и открытием границ хлынули иностранные туристы, охотники за трофеями в частности.

Спрос, как известно, рождает предложение. Как грибы стали появляться фирмы, занимающиеся трофейным охотничьим и рыболовным бизнесом. Во главе многих из них стали лучшие специалисты-охотоведы. Трофейный бизнес увлек даже территориальные подразделения российского Охотдепартамента и общественных объединений охотников, усугубив и без того сложные конкурентные отношения между ними. Борьба за передел охотничьих угодий не прекращается до сих пор, что не способствует развитию охотничьего хозяйства страны. Россия стала одним из основных поставщиков элитных трофеев на мировой и внутренний рынки. Трофейная охота постепенно оттесняет «мясное» направление в охотничьем, и даже в «браконьерском», хозяйстве на второй план, принимая все более уродливые формы.

Тщеславие отдельных стрелков и жажда наживы у многих охотничьих фирм порой настолько велики, что они

охота

и охотничье хозяйство 1 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

всевозможными путями, включая незаконные, организуют добычу редких и исчезающих животных, не гнушаются не только обнаруживать, но и преследовать, и расстреливать зверей с автомобилей, снегоходов и вертолетов и даже нередко покупают хорошие трофеи у местных охотников, поощряя тем самым «трофейное» браконьерство. Добыча по одной лицензии нескольких зверей стала обычным делом, особенно в отдаленных районах. В «книгах рекордов» появились чемпионы, добывшие десятки уникальных трофеев за год, что вряд ли возможно при точном соблюдении вышеупомянутого кодекса. Иностранцы и отечественные охотники-«толстосумы», сопровождающие их представители фирм и местные организаторы охоты почему-то непозволительно часто забывают о существующих законах и охотничьей этике и без зазрения совести ставят свои подписи на регистрационных бланках охотничьих трофеев, где утверждается, что добыча животного произведена с соблюдением всех правил и норм. Более того, некоторые фирмы-аутфиттеры в своих рекламных буклетах и сообщениях уже не стесняясь предлагают потенциальным клиентам запрещенные способы отстрела.

В охотничьем лексиконе прижился новый термин, отражающий это массовое явление, — «черные сафари». В последнее время в данный процесс, к сожалению, все больше вовлекаются профессионалы — охотоведы, егеря и даже отдельные ученые, для которых нелегальная трофейная добыча редких видов и рекордных экземпляров животных стала доходным бизнесом.

С биологической точки зрения, трофейная охота на копытных особенно вредна, если она проводится при низкой плотности, поскольку в этом случае группы охотников быстро истребляют всех крупных самцов в локальном районе до гона и в период спаривания, в результате чего резко снижается уровень воспроизводства популяций. А в большинстве регионов России плотность населения копытных настолько мала, что и сама трофейная охота становится проблематичной. Нередко иностранные охотники уезжают не только без трофея, но даже не увидев зверя и сполна «хлебнув» при этом нашего ненавязчивого сервиса, что негативно отражается на престиже отечественного охотничьего хозяйства.

Массовый отстрел лучших самцов-производителей наносит непоправимый ущерб генофонду видов, особенно оленьих, самцы которых имеют максимально развитые рога в среднем, наиболее продуктивном, возрасте. Деградикация популяций в местах интенсивной трофейной охоты очевидна. В европейской части России лось с лопатообразными многоконцевыми рогами уже стал большой редкостью и его группировки фактически утратили трофейную ценность. На Камчатке, где массовая трофейная «селекция» лося и медведя зачастую осуществляется с

помощью вертолета, выдающиеся экземпляры, по свидетельству охотоведов и бизнесменов от охоты, встречаются все реже и реже. В Курганскую область, лидирующую в трофейной охоте, зачастили «спецгруппы» иностранных охотников с целью добыть выдающиеся рога сибирской косули с массой не менее одного килограмма каждый. Стоимость трофея в этом случае, разумеется, гораздо выше, чем обычно. Сиюминутная экономическая выгода очевидна. Однако через несколько десятков лет в районах «спецохоты» вряд ли можно будет добыть хороший трофей, поскольку идет элиминация исключительно элитных особей при отсутствии селекции.

Коммерциализация охоты и вызванная обнищанием населения «люмпенизация» большинства охотников, порождающая массовое браконьерство, при слабости и беспечности природоохранных структур делают угрозу утраты уникального генофонда многих редких копытных реальной как никогда.

Непреодолимым тормозом в развитии «правильной» трофейной охоты, сохранении ресурсов и генофонда копытных в России стала по-прежнему действующая социалистическая система управления охотничьим хозяйством и давно устаревшие ведомственные инструкции. В передовых в охотничьем отношении странах самцов не отстреливают после сбрасывания рогов, стимулируют селекцию и добычу сеголетков. В отечественном охотничьем хозяйстве все наоборот. В действующей до сих пор инструкции Главохоты РСФСР (1984 г.) «О порядке добычи диких копытных животных по разрешенным (лицензиям) на территории РСФСР» ограничена добыча сеголетков, разрешен летний отстрел самцов оленьих «на панты», затем во время гона «на реву» и после него, до 15 января, — «на мясо». При многомесячных сроках охоты взрослых самцов истребляют планомерно и зачастую до сезона размножения: ограниченно, когда они носят рога (до 5 % общего объема добычи, и неограниченно, когда они сбрасывают их. О какой же селекции и о какой трофейной охоте может идти при этом речь?

В последнее десятилетие XX в. ресурсы копытных и долю лучших самцов в популяциях активно уменьшали и сами служители охраны биологических ресурсов. Во многих областях деятельностью управлений охотничьим хозяйством, совмещающих одновременно контрольные и хозяйственные функции, прибрела явный крен в сторону интенсивной эксплуатации животного мира. Очень точно это положение подмечено известным ученым Г. Г. Собанским (1992) на примере Горного Алтая: «Сроки охоты неоправданно удлиняются, объемы отстрела копытных растут, учетные работы запущены, биотехника сведена к увеличению количества солонцов. Усилия сотрудников этого учреждения сосредоточены ныне на добыче, заготовке, реализации продукции охоты и попытках организовать ва-

лютную охоту для иностранцев». Н. К. Железнов на XXII Международном конгрессе биологов-охотоведов (1995 г.) показал удручающую ситуацию с копытными на северо-востоке Сибири: «Бедность положения охотничьих инспекций толкнула их на безграничный валютный отстрел лосей... Как результат этого, нарушилось соотношение полов... Так, в 1992 г. по бассейну реки Анадырь оно было 1:4,7, а по бассейну реки Великой 1:7,6. Следовательно, ухудшились структура популяции лосей и вероятность встреч разнополюх особей в период гона, увеличился процент старых самок и частота встреч яловых. Снизились плодородность лосих... Снизились численность лосей». По сведениям зоологов, в охотничьих угодьях Иркутскпромохоты поголовье благородного оленя уменьшилось наполовину. На территории Прибайкальского национального парка в результате интенсивной инвалютной трофейной охоты местная популяция сократилась в 1,6 раза, а соотношение полов стало 1:7 в пользу самок. И таких примеров, в том числе и по горным копытным, можно привести множество.

Трофейное уничтожение зверей прогрессирует даже в заповедниках, среди которых лидирует, видимо, Кавказский. Во многих государственных охотничьих заказниках численность диких копытных сейчас тоже «регулируют» даже при многократном сокращении поголовья и необходимости его восстановления. В ведомственных «кормушках», как нетрудно догадаться, под «селекцию» попадают далеко не самые слабые и большей частью не безрогие особи. По имеющимся сообщениям, в некоторых областях работники Охотдепартамента под предлогом необходимости усиленного питания на охране угодий проводили так называемые «котловые» охоты на самцов во время гона. Их добывают также в научных и ветеринарных целях и для изучения запасов.

Не лучше трофейная ситуация и в соседних республиках. В Казахстане большинство добытых иностранцами баранов оказались средневозрастными, тогда как доля старых зверей не превышала 15 % (Байдавлетов, 2005). В результате изъятия лучших производителей и беспокойства перед гоним и во время гона в Казахском нагорье произошло изменение половозрастной структуры популяций, снижение уровня воспроизводства и уменьшение численности из-за эмиграции части зверей. На Монгольском Алтае в 1978—1992 гг. добыт 201 взрослый самец аргали, что привело к заметному снижению в популяции баранов с крупными рогами. В Таджикистане, по сведениям А. К. Федосенко, в 1987—1999 г. легально отстреляно около 460 взрослых самцов, но судя по сообщениям охотоведов и изменению возрастной структуры популяций, намного больше. На Памире в районах трофейной по форме и антиселекционной по сути охоты доля молодых самцов в группировках, по мере убывания взрослых баранов,

увеличилась с 29—39 до 55 %. В Киргизии официальная ежегодная квота отстрела самцов архара 20—40 голов, неофициально их добывали в 2—3 раза больше, и нередко практиковалась охота с вертолета. В результате неумеренной добычи доля половозрелых самцов в популяциях уменьшилась в 3—5 раза, а трофейных (старше 10 лет) — в 12—18 раз. Элитных особей в районах интенсивных трофейных охот, по данным Е. П. Кошкарева, практически не осталось. Ежегодное изъятие 50—70 лучших самцов сибирского козла в национальном парке «Алтын-Эмель» (Казахстан), по сообщению В. В. Мельникова, привело к заметному снижению качества популяции — максимальная длина рогов уменьшилась со 147 до 107—123 см, а средняя — со 114 до 100—103 см.

Положительные примеры редки, и они приводятся, как правило, бизнесменами от охоты.

Цивилизованная трофейная охота. Трофейная охота в том виде, как сейчас, приносит охотничьему хозяйству России и популяциям животных гораздо больше вреда, чем пользы. Тем не менее предавать ее анафеме, несмотря на очевидные негативные стороны, ни в коем случае нельзя. В настоящее время наладить действенную охрану, стимулировать воспроизводство диких копытных и создать цивилизованное охотничье хозяйство, как это ни парадоксально, реально только посредством развития профессионально организованной, ограниченной и контролируемой трофейной охоты, дающей максимальный доход. На средства от отстрела одного горного или снежного барана, например, можно приобрести большое стадо домашних баранов, а трофейная добыча нескольких самцов копытных позволяет обеспечить функционирование конкретного охотничьего хозяйства в течение всего года.

Охотничий туризм нужно всемерно поддержать на государственном уровне. Для этого необходимо прежде всего комплексное изменение охотничьего законодательства, включающее, помимо разработки «Закона об охоте и охотничьем хозяйстве», изменение правил охоты; разработку нормативно-правовой базы, направленной на выборочное, селекционное и неистощительное использование ресурсов и ограничивающее возможный ущерб, наносимый генофонду животных; разработку нормативно-стоимостной базы трофейной охоты; обеспечение специальных научных исследований; обеспечение подготовки профессионалов трофейного дела.

Обучать охотников и егерей следует не только и не столько оценке трофеев, сколько основам селекции и управления ресурсами. Трофейную охоту на копытных важно переориентировать на преимущественный выборочный отстрел старых особей, для чего, на мой взгляд, нужно незначительно изменить систему оценки трофеев, включив в нее важнейшим дополни-

тельным (балльным) пунктом возраст добытого зверя. У многих полорогих возраст легко определять по годовым кольцам рогов, а у оленей и кабана за основу можно взять стертость коренных зубов лишь в двух возрастных группах: средневозрастных и старых. У животных среднего возраста зубы с высокими коронками, у старых особей они стертые почти до десен. Шкалы для определения примерного возраста этих зверей разработать несложно. Соответственно, трофеи от старых особей могут быть оценены значительно выше, чем от средневозрастных животных с аналогичными параметрами.

Трофейная добыча краснокнижных животных, безусловно, должна быть прекращена полностью, поскольку она наносит не только прямой урон редким и исчезающим видам, но и провоцирует браконьерство местных охотников.

Отдаленное будущее, на мой взгляд, — за трофейной охотой без изъятия зверей из природы, что возможно посредством их временного обездвиживания. На стену охотник вешает не чучело убитого им животного, а свою фотографию с уникальным трофеем, который остался жить в природе со специальной меткой или с космическим радиопередатчиком. В последнем случае возможно в течение одного-трех лет получать сообщения на персональный компьютер или сотовый телефон обо всех перемещениях вашего «крестника». Эти сведения интересны не только для охотника, но и очень ценны для науки и охотничьих хозяйств. Примеры зверя и трофеев, сделанные на месте охоты в присутствии проводников, можно было бы включать в специальные «белые» страницы «книг рекордов». К такой гуманной трофейной охоте я призываю всех охотников, способных восхищаться красотой и гармонией Природы, способных осознать, что утрад лучшего и уникального генофонда невосполнима!

Нельзя обойти стороной и проблему платы за трофей. Львиная доля доходов от трофейного бизнеса сейчас оседает в карманах охотничьих фирм — организаторов легальных, полуполевальных и нелегальных туров и охотничьих чиновников, а до государственной казны и конкретных охотничьих хозяйств доходят жалкие крохи. Беспечность и бездеятельность ответственных чиновников, молчаливо (а может быть, и не бескорыстно) взвращающих на безудержный поток национального достояния, упрявляющего за бесценок за рубеж, поражает. Пора бы уже не только брать от Природы, но и вкладывать в нее. Большая часть средств от охотничьих туров на основании разработанных нормативных актов (возможно, через введение специальных дорогостоящих «трофейных» лицензий), должна оставаться в казне государства и в конкретных охотничьих хозяйствах, выращивших трофей, и расходоваться, что тоже важно, непосредственно на цели охраны и воспроизводства дичи. Однако в этом деле нужно не переусердствовать и учиты-

вать опыт соседей.

В Монголии трофейная охота для иностранцев практикуется с 1967 г. До 1989 г. официально добыто 1630 взрослых самцов архара, за отстрел которых в казну страны поступило около 20 млн. долларов. Доход от продажи лицензий распределялся следующим образом: 70 % — в госбюджет, 10 % — в бюджет местного административного органа, на территории которого производился отстрел животных, и 20 % получала фирма, организовавшая охоту. Фактически до охотничьего хозяйства деньги не доходили, что не стимулировало его развитие и привело к сокращению ресурсов.

В Казахстане трофейная охота на североказахстанского горного барана, относительно многочисленного, но занесенного в республиканскую Красную книгу, организованна при поддержке правительства. По сообщению А. Бербера, иностранные охотники в 1990—2002 гг. легально добыли здесь около сотни самцов архара, уплатив более миллиона долларов не бизнесменам от охоты и не трофейным браконьерам, а официально в бюджет. Доход распределялся следующим образом: 10 % — соответствующему министерству, охотинспекции, комитету по охране природы, охотничьим хозяйствам, заказникам и заповедникам на техническое оснащение и охрану; 20 % — научным организациям на проведение исследований, остальное — на проведение охоты и накладные расходы. На всех охотах обязательно присутствие ученых, которые комплексно исследуют каждое животное. Они же дают необходимые рекомендации, касающиеся места, сроков и способов добычи, возраста зверей, охраны популяций, создания сети особо охраняемых территорий и др. Выборочная трофейная охота на баранов стала в Казахстане реальным источником финансирования науки и мероприятий по охране природы. Тем не менее даже такой подход не гарантировал сохранность отдельных популяций.

Увеличение потока трофейных охотников и переориентация охотничьих хозяйств на их преимущественное обслуживание обычно вызывает негативную реакцию местных охотников. Возможный путь решения назревающей социальной проблемы — гласное нормирование отстрела животных в трофейных целях.

В заключение замечу, что при разумной организации трофейная охота может стать «локомотивом» успешного развития отечественного охотничьего хозяйства, но при неизменной ситуации неминуемо приведет к деградации популяций, что еще больше дискредитирует «правильную» охоту, которая в России и других республиках бывшего СССР все больше превращается в «черное сафари» с четко выраженным антиселекционным уклоном. При скудных ресурсах копытных и скверном качестве популяций трофейная охота, как и сам охотничий бизнес, со временем станут проблематичными.

Зимой среди городского шума вдруг возникает смутное ощущение непонятной радости... Потом понимаешь — посвист утиных крыльев! Между высоких домов разворачивается стайка кряковых уток.

Каждый год у незамерзающей речки Лихоборки зимуют среди города утки. С приходом весны они улетают куда-то, строят гнезда, выводят утят вдали от посторонних глаз, живут жизнью диких уток. А с холодами прилетают в город к незамерзающей речке, к автобусной остановке, где всегда перепадает им корм от ожидающих автобуса людей.

Женщина в красивой шубке подвела сынишку к уткам. Он мнет ручонками хлеб, не может раскрошить.

«Не подводите ребенка к уткам, — сказал кто-то. — Может, у них птичий вирус».

«Какой вирус? — возразили ему. — Гляди, какие гладкие».

Мальчонка бросил весь кусок уткам. Но их опередила ворона: на лету подхватила хлеб.

Мужчина вскинул руки, будто целится в пролетающего селезня и нажимает спусковой крючок воображаемого ружья. Явно охотник. Потом из сумки на боку он достал батон и половину раскрошил уткам.

Вдруг все птицы шумно взлетели и низом, перегоняя друг друга, полетели к большому зданию. По ступенькам парадного крыльца спускался человек в форме охранника с большим белым пакетом в руках. Видимо, утки уже знали: в пакете вкусные отходы из кухни и остатки после обеда в служебной столовой какой-то фирмы.

Лишь одна птица осталась на воде — нырок, который оказался здесь случайно — во время полета сломал о провода крыло.

Подождал автобус. Люди с остановки уехали. Только какая-то старушка, шаря рукой в старомодной сумке, пробиравась поближе к нырку по плохо протоптанной в снегу тропинке.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Посвящен утиным крыльям

Государственным заповедникам России — 90 лет!

О. ГУСЕВ

Конец XIX — начало XX столетий — пора зарождения отечественного охотоведения. В этот судьбоносный для охотоведения очень короткий период времени произошло становление охотоведения как учебной и научной дисциплины, охота и пушной промысел эволюционировали в государственную отрасль охотничье-промыслового хозяйства, вышло в свет первое периодическое издание по научному охотоведению: «Материалы к познанию русского охотничьего дела» — 10 выпусков, появились дипломированные специалисты по охоте, стартовала государственная система заповедников России.

Формированию охотоведения в нашей стране мы обязаны славной плеяде выдающихся охотоведов первой половины прошлого века, и прежде всего Анатолию Алексеевичу Силантьеву — основоположнику отечественного охотоведения, человеку дела, способному не только продуцировать плодотворные идеи общегосударственного масштаба, но и добиваться их воплощения в жизнь.

А. А. Силантьеву принадлежит и выдающаяся роль в организации первых государственных заповедников России.

Первые государственные заповедники России создавались для спасения соболя и соболинного промысла, в те годы исключительно важного подспорья для экономики страны. Так уж случилось, что Россия во многом обязана собою не только присоединением Сибири, но и появлением первых государственных заповедников.

Анатолий Алексеевич Силантьев

В иные урожайные на соболя годы «одна казна получала по 5000 сороков (200 000) соболей» (Д. Соловьев, 1926), а всего в России добывалось до 500 000 этих драгоценных зверьков. Но к началу прошлого века количество соболей на пушных рынках сократилось в пять-шесть раз. В 1889 году на знаменитой Ирбитской ярмарке, куда стекалась почти вся пушнина с Урала, Печоры и из Сибири, было продано более 60 000 соболиных шкурок, а в 1910 году только 10 275. В том году в России было добыто всего 27 000 соболей.

В чем нужно искать причины столь катастрофического падения соболинного промысла в начале XX столетия? В охотоведческой литературе можно обнаружить множество сетований на стихийный, никем не контролируемый промысел, подогреваемый алчными скупщиками мягкой рухляди и все возрастающей, огромной по тем временам, стоимостью соболиной шкурки. Это действительно так, но истина в том, что стихийный, хищнический характер промысла сам являлся следствием отсутствия каких-либо законодательных мер, ограничивающих и регулирующих промысловую охоту.

Охотничье право старой России в первую очередь защищало интересы не промысловой, а спортивной охоты. Для Особой Комиссии под председательством великого князя Сергея Михайловича был подготовлен «Краткий обзор русского охотничьего законодательства с 1649 года», с «Уложения царя

Алексея Михайловича». Среди 142 «высочайших повелений», касающихся вопросов охотничьего права, я не нашел ни одного, регулирующего сроки, нормы и способы охоты на соболя и других пушных зверей.

Закон от 3 февраля 1892 года Д. К. Соловьев назвал «первым настоящим полным и охватывающим все стороны охотничьего дела законом», но этот закон, принятый «ввиду огромного хозяйственного значения охоты», действовал только на европейской территории России.

Закон 1892 года был далеко не идеален, и уже в 1896 году Комиссия при министерстве Земледелия начала работу над его совершенствованием, а 17 февраля 1897 года по «высочайшему повелению» была образована упомянутая выше Особая Комиссия для пересмотра действующего закона об охоте. С 1897 по 1901 год было проведено 23 общих и 17 частных заседаний Особой Комиссии и создан Проект нового закона об охоте.

А. А. Силантьев принимал участие во всех общих заседаниях и был чуть ли не единственным членом Комиссии, отстаивавшим интересы промысла пушных зверей. На 23-м заседании Комиссии он потребовал исключить соболя из списка поставленных вне закона «вредных животных», но его предложение было «единогласно отклонено». Против выступили даже такие именитые корифеи русской ОХОТЫ, как егермейстер М. В. Андреевский, ловчий его

величества В. Р. Диц, С. Н. Алфераки, Л. П. Сабанеев, Н. В. Туркин, А. А. Ширинский-Шихматов. В 173-й статье Проекта закона говорилось: «Дозволяется в течение всего года всякими способами... истреблять следующих зверей: куниц и хорьков всех видов, лесную куницу, белодушку, соболей, горностаю, ласок, колонку, норку, перевязку, речную выдру...» (Труды по выработке законопроекта об охоте... Издание Императорского общества правильной охоты, Москва, 1911). Закон «запутался в канцеляриях министерства и Государственной Думы» (Д. Соловьев, 1926) и не был принят. Проект этого закона очень наглядно отражал сознание охотничьей элиты того времени, заботящейся, как мы уже говорили, прежде всего об интересах спортивной охоты.

А пока шла работа над проектом нового закона об охоте, с мест, от губернских Управлений Земледелия и Государственных имуществ, от промышленников и торговцев мехами, ученых и путешественников, Иркутского ярмарочного комитета шел поток прошений о необходимости принять срочные меры для спасения соболя и соболинго промысла. В предчувствии краха пушного рынка били в набат на Лейпцигских фирмах в одном из мировых центров торговли и выделки мехов. Из российского консульства в Лейпциге также поступали тревожные сигналы.

Переполившей чашу каплей явился отчет иркутского Генерал-губернатора за 1910—1911 годы, в котором сообщалось о бедственном состоянии соболинго промысла в Сибири. На этот раз

верховные властиотреагировали оперативно:

«16 Апреля 1912 г. Совет Министров по поводу отметок на всеподданнейшем докладе иркутского Генерал-губернатора за 1910—1911 гг. постановил признать настоятельно необходимым... неотложность выделения так называемых заповедников» (Д. К. Соловьев. «Саянский промыслово-охотничий район и соболинй промысел в нем», 1920).

В процитированном тексте слова «по поводу отметок» — загадка. О каких отметках, о чьих отметках здесь говорится? В 1953—1957 годах я был научным руководителем Баргузинского заповедника — первого государственно-го заповедника России, и меня, конечно, не могла не интересовать история его организации, но в то время мне так и не удалось понять тайну этих слов, и только вернувшись в Москву и получив доступ к столичным архивам и библиотекам, я нашел ответ.

Вот изложение этого текста в его первоизданном виде.

«Постановление Совета Министров 16 апреля 1912 года по поводу Высочайших ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отметок на всеподданнейшем докладе Иркутского Генерал-губернатора за 1910—1911 годы было признано необходимым скорейшее расширение на Сибирь закона об охране соболя и указано на неотложность выделения так называемых заповедных участков. Первое из этих положений осуществлено в виде закона 9 июня 1912 года «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер», в настоящее же время надлежит безотлагательно озаботиться исполнением Высочайшего указания и постановлением Совета Министров об устройстве заповедников» (А. А. Силантьев. «Проект обследования соболиных районов России в 1913—1915 годах». Типография М. Меркушева, Невский пр., № 8).

В начале XX века наблюдалось особенно резкое сокращение численности и добычи соболя, но заметная деградация соболинго промысла началась значительно раньше. Еще в 1876 году Л. П. Сабанеев говорил о необходимости организации экспедиций для изучения охотничьих промыслов Сибири. Но за исключением нескольких постановлений местных администраций, власти никак не реагировали на эти сигналы.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что именно «высочайшие указания» императора Николая II и постановление Совета Министров от 16 апреля 1912 года положили начало пятилетней эпопеи по спасению соболя и учреждению государственной системы заповедников России.

Примерно за год до Постановления Совета министров от 16 апреля 1912 года при министерстве земледелия было создано Делопроизводство

Село Баргузин. Экспедиция Г. Г. Doppельмаира отправляется на Байкал, в поселок Сосновка. На фото: первый слева — А. Ф. Кузнецов, в доме которого останавливалась экспедиция, третий — К. А. Забелин, четвертый — А. Д. Батурина, шестой — Г. Г. Doppельмаир, седьмой — З. Ф. Сватош. Конец июня 1914 г. Фото публикуется впервые

Сосновка. Место высадки экспедиции Г. Г. Doppельмаира. Памятный знак об этом событии

по охоте, и это событие можно считать днем рождения государственного охотничьего хозяйства России (О. Егоров, 1990). Руководителем Делопроизводства по охоте стал инициатор его создания А. А. Силантьев, которому и было поручено общее руководство по обследованию соболиных районов России для учреждения там заповедников.

«Законом 9 июня устанавливается полный, повсеместный в России, трехлетний запрет добывания соболя с 1 февраля 1913 года по 15 октября 1916 года. В течение означенного периода соболя, не подвергаясь преследованию, успеют размножиться, после чего промысел их будет дозволен ежегодно с 15 октября по 1 февраля. Принимая, однако, во внимание, что промышленники, вынужденные воздерживаться от добывания соболя в течение трех промысловых сезонов, несомненно примутся с удвоенной энергией его преследовать с открытием дозволенной на него охоты 15 октября 1916 года и быстро уничтожат весь накопившийся за три года приплод, необходимо теперь же это обстоятельство предусмотреть и принять самые экстренные меры к тому, чтобы к моменту начала промысла имелись бы налицо условия, препятствующие подобному недопустимому исходу.

Георгий Георгиевич Доппельмайр

Таким единственным условием, гарантирующим соболя от полного истребления, хотя бы в некоторых определенных районах, является устройство заповедников... Эти заповедники, коим предназначено впоследствии играть роль естественных питомников для соболя, должны быть постоянными и иметь общегосударственное значение. Во главе каждого такого заповедника должно стоять лицо, способное вести научные наблюдения над жизнью соболя... и ведать всеми мероприятиями по упорядочению эксплуатации соболя в

Поселок Давше на северо-восточном побережье Байкала

Фото О. Гусева

окрестных районах» (А. Силантьев, «Проект обследования соболиных районов России...»).

История учреждения первых государственных заповедников России описана в ряде вполне доступных изданий. В этой небольшой юбилейной статье напоминаю лишь о ее наиболее заметных вехах.

Для воплощения в жизнь «Проекта обследования соболиных районов России в 1913—1915 годах» были организованы три соболиные экспедиции: на северо-восточное побережье Байкала под руководством Г. Г. Доппельмайра, в Саяны под начальством Д. К. Соловьева, на Камчатку во главе с С. В. Керцелли. В задачи экспедиций входило обследование районов обитания соболя, поиски оптимальных мест для организации заповедников, создание проектов будущих заповедников. Были долговременные, почти двухлетние полевые исследования, были героические конно-пешие переходы через труднодоступные горные перевалы, были определены и выделены территории, отвечающие всем необходимым условиям для организации заповедников, были намечены границы заповедников, был в срочном порядке разработан и принят закон от 30 октября 1916 года «Об установлении правил об охотничьих заповедниках», что и дало правовую основу для придания организруемым заповедникам статуса государственных.

«По издании закона министром земледелия было сделано представление в Сенат «Об учреждении Баргузинского заповедника», и это представление опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений правительства 20 января 1917 г. № 18, ст. 107 в следующем виде:

«Министр земледелия 29 декабря 1916 года представил Правительственному сенату об установлении Баргузинского, в Забайкальской области Баргузинского уезда, охотничьего заповедника... Таким образом учреждение первого в России охотничьего заповедника было проведено» (Г. Доппельмайр, 1926).

Соболиные экспедиции 1913—1915 годов — одна из самых славных страниц русского заповедно-охотничьего дела. Подобно легендарным академическим экспедициям XVIII столетия, они навеки вписаны в скрижали истории. Опыт работы этих экспедиций — замечательный образец исследований по организации заповедников. Ведь даже «Проект обследования соболиных районов России...» увидел свет в виде оттиска, отпечатанного типографским способом, а результаты работ двух экспедиций — Баргузинской и Саянской — опубликованы в уникальных, бесценных монографиях: «Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем» (1920) и «Соболиный промысел на Северо-Восточном побережье Байкала» (1926). Обстоятельность проведенных исследований видна уже из перечня глав одной из этих книг: «Краткий исторический очерк работ Баргузинской экспедиции и организации заповедника», «Общий физико-географический очерк Северо-Восточного побережья Байкала», «Соболь и соболиный промысел», «Пушной и охотничий промысел на других животных», «Население Баргузинского уезда в его отношении к соболиному промыслу»... Очень важно отметить, что при организации «соболиных заповедников» были заложены те фундаментальные принципы, кото-

рые и сейчас лежат в основе понятия «заповедник»: заповедники должны быть постоянными, то есть создаваться навечно, заповедники должны заниматься изучением объектов заповедной охраны, то есть быть научно-исследовательскими учреждениями, заповедники должны иметь общегосударственное значение. А. А. Силантьев имел в виду и неизбежность дальнейшего расширения их функций, что и было претворено в жизнь: первоначально создававшиеся как «соболиные и охотничьи», они со временем стали абсолютными природными резерватами, эталонами природы, в которых охраняется и изучается весь заповедный природный комплекс.

К северу от Баргузинского заповедника одновременно с ним был создан так называемый «казенный эксплуатационный участок». Его организация имела целью «разработать на опыте основы правильного хозяйства», «со-

данская война — помешали осуществлению других намеченных в «Проекте...» работ.

Руководитель Саянской экспедиции Д. К. Соловьев писал: «Экспедиции эти были первыми в целой серии подобных работ и по масштабам своим, научному подходу к делу и чисто промыслово-хозяйственному уклону являлись начинаниями единственными в своем роде не только у нас, но и за границей» (Д. Соловьев, «Основы охотоведения», 1922—1929).

Оглядываясь назад, зная историю учреждения заповедников в СССР и новой России, легко увидеть, что почти пятилетняя — с указаний императора Николая II и постановления Совета Министров от 16 апреля 1912 года до учреждения Баргузинского заповедника 29 декабря 1916 года — историческая эпопея по организации первых государственных заповедников России остается непревзойденной и неповторенной.

Дмитрий Константинович Соловьев

Баргузинский заповедник. Грандиозный цирк в верховьях реки Шумилихи

Фото О. Гусева

здать у местного населения навыки к правильному ведению охоты на соболя, облегчить условия охоты и сбыта продукции» (Г. Доппельмайр, 1926). Основание подчиненного заповеднику опытного хозяйства (в наше время такие хозяйства называют биосферными полигонами) еще раз убеждает в том, с какой дальновидностью, глубиной и основательностью были осуществлены работы по организации первых государственных заповедников России.

Баргузинский заповедник стал не только первым государственным заповедником России, но и единственным заповедником, получившим статус государственного в царской России. Жестокое лихолетье России: Первая мировая война, две революции и Граж-

дательными отечественными охотоведами. И это закономерно. Охота, охотничье хозяйство, охотоведение, охотоведческая наука всегда шли в авангарде природоохранительного движения. Охота, как один из видов рационального природопользования, и заповедание, как сохранение последних оазисов дикой и свободной, первобытной природы, — две стороны одной медали, два основных пути охраны природы.

Баргузинский заповедник — пример заповедника — эталона природы, абсолютного природного резервата. Многие последние десятилетия антропогенное влияние на его природные комплексы было минимальным. Волею исторических обстоятельств ему дарована славная и почетная доля — быть родоначальником государственных заповедников нашей страны, флагманом особо охраняемых природных территорий и первым научно-исследовательским учреждением на Байкале. Участники Баргузинской соболиной экспедиции, прекрасные энтузиасты заповедного дела Константин Алексеевич Забелин и Зенон Францевич Сватош были уверены, что «баргузинский соболь не уцелел бы до настоящего времени, если бы своевременно не был выделен Баргузинский заповедник».

Баргузинскому заповеднику, системе государственных заповедников нашей страны — 90 лет!

Дорогие друзья, бескорыстные труженики заповедных островов России, «остатков той природы, — по выражению И. П. Бородина, — среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и действовали наши отдаленные предки». Мы поздравляем вас с замечательным юбилеем и, зная, в каких сложных, подчас невыносимо тяжелых условиях вам приходится жить и работать, желаем пережить это недоброе для заповедников время с минимальными потерями. Пожалуйста, не отчаивайтесь, не оставляйте своего любимого дела, охраняйте, берегите, спасайте наши заповедники.

Помните: ЗАПОВЕДНОЕ — самое сокровенное, что есть в природе и человеке.

СЕМЕЙНАЯ ОХОТНИЧЬЯ СТРАСТЬ

Интервью с киноактером Кириллом СТОЛЯРОВЫМ
журналистки Карины САВЕЛЬЕВОЙ

Столяровы — известная актерская династия. Идет она от Сергея Дмитриевича Столярова, легендарного экранного богатыря — Руслана, Садко, Ивана-Царевича, Алёши Поповича, — с именем которого связана целая эпоха отечественного кинематографа. Его творчеством восхищалось поколение 30-х, 40-х и 50-х годов. Фильм «Цирк» (1936) принес Столярову всенародную известность, он стал любимцем нации, ее символом. Красив, благороден, ловок и смел — подлинный герой, вобравший в себя исконно русские черты характера, национальный колорит.

Прошло более полувека, а в сердцах многих людей Сергей Столяров остался прекрасным светловолосым богатырем с ослепительной улыбкой.

К его сыну, Кириллу Столярову, популярность пришла с первой же большой ролью в фильме «Повесть о первой любви» (1956). За долгие годы в кино он снялся в нескольких десятках фильмов. В четырех вместе с отцом. Играл в Театре-студии киноактера, был ведущим многих программ на радио и телевидении. С 1995 года Кирилл Сергеевич — президент Культурно-просветительного фонда имени народного артиста С. Д. Столярова.

Отец и сын. Они были товарищами и партнерами. Единомышленниками, ибо оба исповедовали одни и те же духовные ценности. Полностью совпадало их отношение к жизни, к близким людям, к событиям, происходящим вокруг. У них были общие интересы и общая страсть — охота.

Когда мы встретились, Кирилл Сергеевич сразу же сообщил, что их семья многие годы подписывалась на журнал «Охота и охотничье хозяйство» и что отец однажды даже опубликовал в нашем журнале материал о своей охоте на гусей в Каспийских плавнях.

— У многих людей в жизни бывает какое-нибудь сильное увлечение. Страсть! Для отца в течение всей жизни такой страстью была охота. Об охоте он мечтал сделать фильм, написал несколько сценариев. Да и в жизни каждую осень им овладевало беспокойство и непреодолимая «охота к перемене мест».

Осень даже в городе — осень: покраснела в скверах рябина, пожелтели листья, улетели стрижи. Было уже два легких морозца. И начинается смятение в душе охотника, он спит и видит черных тетеревов в лесу, в болоте жирных дупелей, а в поле серых куропаток. «Нужно ехать!» — требует голос охотничьей страсти.

В жизни отца охота занимала очень большое место. Уходить в лес, на природу было потребностью. И не только зовом крови (дед-то мой был лесник), но и необходимостью, особенно в 30—40-е годы, уйти из мира предательства,

стукачества и доносов в мир рассветов и закатов, в мир чистых родников и бесконечных лесов, где особенно остро чувствуешь опустошающую суету городской повседневности.

Страсть отца к охоте разделяла вся наша семья и, конечно, же наши охотничьи собаки.

— А каких собак вы держали?

— Несколько лет мы охотились с английской легавой по кличке Эри. От нее у нас был целый «завод» — шестеро великолепных щенят. Как раз в то время снимался фильм «Садко», и мы жили под Москвой. Щенков разобрали друзья: один стал членом семьи актера Бабочкина, другого отвезли Кадочникову в Ленинград.

Павел Петрович Кадочников был другом и ровесником отца. У них не только была общая страсть (оба заядлые охотники), но и общая «вера» в искусстве. Павел Петрович, как и отец, подвергался критике со стороны киночи-

новников за слишком энергичное, с их точки зрения, отстаивание прав актера в кинематографе. Они вместе снимались в фильмах «Далеко от Москвы» и «Голубые дороги». Когда мы приезжали в Ленинград, обязательно бывали в доме Кадочниковых. Отец ездил на охоту к Павлу Петровичу на Карельский перешеек, где у него была дача. Когда у Эри появились щенки, Павел Петрович попросил одного для себя.

В те времена в поезд «Красная стрела» (Москва-Ленинград) собак не пускали. Переправить щенка взялся актер нашего театра, товарищ Кадочникова Владимир Балашов. Мы посадили щенка в картонную коробку с дырочками, отвезли на Ленинградский вокзал, где и вручили Балашову. Как он потом рассказывал, когда утром проводница принесла чай, щенок проснулся, стал посылать и потихоньку лаять. Чтобы спасти положение, Балашов, к ужасу проводницы, вдруг стал лаять! Наверное, случился бы скандал, но, к счастью, проводница узнала популярного артиста и, видимо, решила, что артисты способны на любые шалости. Все закончилось традиционным автографом, и щенок был доставлен хозяину, с которым в радости и согласии прожил до конца своих дней.

— А кто остался у вас?

— Красавец Дивар, самый большой из приплода Эри. Имя ему дали в честь отца, чемпиона Советского Союза среди сеттеров. Это был отличный пес, с прекрасной благородной головой, с великолепным «жабо» на могучей гру-

ди, на хвосте — перо, на лапах — штаны, лоснящаяся шерсть. Настоящий лорд! Когда отец гулял с Диваром, прохаживая останапливались и смотрели им вслед. Это была замечательная пара.

А Эри вскоре погибла, и мы переехали в большой многоэтажный дом, держа собаку стало сложно, к тому же многочисленные разъезды во время съемок. Да и с осенней охотой возникли проблемы. Однажды Дивара на месяц отдали егерю, и он его погубил. Отец очень тяжело переживал, и мы рещили пока не заводите собак.

— Кто еще в дружеском окружении Сергея Столярова был известным человеком и охотником? С кем он охотился?

— Это может показаться странным, но большинство друзей отца не были связаны с актерской профессией.

В охотничьем хозяйстве под Гжатском был заказник. В нем отец охотился с Юрием Гагариным. Добыли лося. Отец привез мясо домой, и мама его приготовила. Договорились, что Гагарин подъедет к семи часам. Ждем. В семь его нет. В пятнадцать минут восьмого нет. Отец расстроился. Неожиданно звонок из Жуковского. Гагарин говорит, что ему не дают диплом об окончании академии, пока он не налетает определенного количества часов... А через несколько дней Юрий погиб в полете с Серегиным между Москвой и Владимиром.

Отец очень уважал и ценил океанолога Александра Михайловича Гусева, доктора наук, профессора МГУ. Александр Михайлович, помимо того что был крупным ученым и писал замечательные книги, увлекался еще и альпинизмом. Когда во время войны немцы захватили Северный Кавказ и подразделения горной дивизии «Эдельвейс» установили на Эльбрусе фашистское знамя, специальная команда советских бойцов-альпинистов предприняла восхождение на эту труднодоступную вершину и водрузила там красное полотнище, тем самым утвердив наше превосходство. В составе этой знаменитой роты был и Александр Михайлович Гусев.

Принимал он участие и в знаменитом походе на полюс холода, на станцию «Пионерская», о чем много писали в свое время. Доставили их туда не самолетом, а санно-тракторным поездом и оставили одних на самом холодном пятачке земли. Полярников было трое, жили они в палатке. И от совершенно жутких условий один из участников сошел с ума. Минус 25 в палатке, а на улице ниже 65 градусов, да еще с ветром. Так они жили несколько месяцев, проводя научные эксперименты, ухаживая за больным товарищем. В эту пору года никакой транспорт не мог пробиться к ним. Короче говоря, жизнь Александра Михайловича была наполнена совершенно неординарными событиями. Отец любил в друге тонкую поэтическую душу и часто повторял слова Тургенева: «Мы познакомились, он был охотником и, разумеется, хороший человек». Вместе мы ездили на охоту в

такое райское место для каждого охотника, как Севрюжи острова в дельте Волги. Несколько охотничьих сезонов провели с Александром Михайловичем в Тишкове, в Пестове, где снимался фильм «Садко». Это были замечательные весенние дни, связанные с рыбалкой, а осенью — и с охотой.

Другим близким другом отца был его учитель по круглому стенду Николай Данилович Дурнев — на редкость колоритный человек: огромный рост, широкие плечи, могучая стать, былинный богатырь, да и только. В отечественном спорте имя его легендарно: в Каире он завоевал высший титул, стал чемпионом мира по стендовой стрельбе. На высшую ступень пьедестала он поднялся и на олимпийских играх, ошеломив современников абсолютным результатом: 200 очков из 200 возможных!

И вот этот легендарный спортсмен был у отца и тренером, и добрым наставником. В конце концов отец выполнил норму мастера спорта по стендовой стрельбе. Они стали настоящими друзьями. Вместе ездили на охоту, хотя охотиться с Дурневым было трудно. И стоять рядом с ним на утиной тяге было невозможно: стрельнуть не успеваешь. Оставалось только смотреть, какие чудеса он вытворял.

— Кого из отечественных литераторов, писавших о природе и охоте, Сергей Дмитриевич особенно любил?

— Отец очень любил Михаила Пришвина. Я помню, с каким удовольствием читал его рассказы и повесть «Кладовая солнца». Он часто цитировал знаменитое пришвинское письмо, которое еще не было издано, но было знакомо ему: «Я расту из земли, как трава, меня косят, меня едят лошади, а я опять с весной зеленею и летом к Петрову дню цвету. И ничего с этим не сделаешь. И меня уничтожат, только если кончится русский народ. А он не кончится, а может быть, только начнется».

Непоколебимая вера в то, что русский народ никогда не кончится, а может быть, только начинается, в страшные 30-е годы всегда жила в душе отца. Думали, ощущали мир два художника одинаково. Они не были знакомы, но по высшему счету это и не самое главное. Мы всегда чувствовали присутствие в нашем доме Михаила Михайловича, и это как раз тот случай, когда незнакомый человек значит не меньше, чем рядом живущий. И даже собаку мы звали такую же, как у Пришвина.

По тем же причинам отец любил и уважал Константина Георгиевича Паустовского. Когда я поступал в институт,

Охота с отцом на гусей в дельте Волги

он предложил мне взять для чтения «Мещерский край» Паустовского. Это были близкие образы родной Рязанщины, неповторимые леса средней России, где жил и трудился лесником мой дед Дмитрий Столяров. И вот еще в чем мистическая закономерность: моя бабушка Наталья Ивановна и родила-то отца в лесу. Именно здесь, в самой что ни на есть глубинной родине. Не от этого ли удивительная любовь к лесу, к природе? Когда случалась какая беда, первыми словами отца были: «В кусты! В кусты! Поехали на охоту». В кусты! В леса! На природу! Там душа опять оживала, возвращались силы, лечились духовные раны.

— Охота — дело серьезное. В руках ружье, поэтому опасность всегда рядом. Я помню разговоры о трагическом случае, который связывали с именем Сергея Столярова. Может быть, стоит вспомнить о нем в наизидание начинающим охотникам?

— Однажды отец поехал на лося в Подмосковье. В компании стрелков были знакомые люди — актеры, писатели. Был среди них и один начинающий охотник, в будущем довольно популярный писатель. У стоящих на номерах есть железное правило: не вы-

ходить за линию стрелков, стрелять только прямо перед собой на 45 градусов и по ясно видимой цели. Лось вышел на отца, первоклассному охотнику промахнуться по такой цели невозможно. Раздался выстрел!

Вероятно, честолубие и жадность (заваливший зверя получает рога и шкуру) заставили начинающего охотника выйти за линию стрелков и выстрелить вдоль строя. Все бы прошло нормально и не случилось бы трагедии, если бы шофер из любопытства тоже не вышел вперед строя стрелков. Пуля попала точно в сердце. А дальше случилось вот что: начинающий охотник, будущая знаменитость литературная, проявил завидную находчивость: он выбросил в снег оставшиеся патроны, как вещественные доказательства, и пытался в убийстве обвинить моего отца. У данного субъекта были огромные связи, и не будь это Сергей Столяров, он наверняка «закопал» бы невиновного. Однако все было слишком ясно. Ясно и горько.

Через несколько дней писатель тайком ночью приехал в деревню к вдове убитого, заплатил ей большие по тем временам деньги. И хотя баллистическая экспертиза установила виновного, дело было закрыто. Вся эта исто-

рия произвела на отца крайне тяжелое впечатление, он никогда больше не ездил на зверовые охоты.

— Страшно и больно было вас слушать, Кирилл Сергеевич. Я уж и не рада, что спросила... Давайте передохнем и поговорим о любимых ружьях. Что в вашем семейном арсенале заслуживает особого внимания?

— В начале 40-х годов отец купил «лесное» ружье «Ричард Вислей» с дамскими стволами, сделанное в XIX веке. Я до сих пор с ним охочусь.

Есть еще штучное ружье фирмы «Иоган Калецкий» с английской ложей из комлевого ореха. Оно изготовлено венским мастером в 1903 году для австрийского императора. У ружья отсутствуют антабки, приспособления для ремня. Наверное, ружье раньше носил егерь и отдавал хозяину только для стрельбы. Отец на охоте всегда носил ружье в руках (он был сильным человеком) и готов был к выстрелу в любую минуту.

В 62-м году отец приобрел бельгийское ружье браунинг «Магnum» — стрелять гусей на дальнем расстоянии.

А хотите, я расскажу вам об одной нашей охоте, в которой главным действующим лицом стало ружье?

Под Владикавказом после охоты на вальдшнепов

С любимцем сеттером Диваром. Сборы на охоту

— С удовольствием послушаю.

— Во время съемки в Одессе фильма «Повесть о первой любви», в котором впервые в отечественном кино мы играли отца и сына, выдалось несколько свободных дней. Мы с отцом решили поохотиться на «плавни».

Шла северная утка — чернеть. Упустить такой момент было нельзя. Но с собой мы захватили только одно ружье, да и то 20-го калибра. Северная утка крепка на убой, и для охоты необходимо было хорошее, добротное оружие. К счастью, в Одессе жил замечательный спортсмен, чемпион Союза, Европы, призер мировых первенств по траншейному стенду Юрий Никандров. Отец и попросил у него ружье на два дня... Давать свое ружье другому у охотников не принято — это все равно что одолжить свою жену. А для стендовика-спортсмена особенно. Его оружие — инструмент, с помощью которого он добивается результата, да и, что там говорить, зарабатывает на жизнь. Оружие делалось на заказ на Тульском оружейном заводе, на тренировках доводилось, подгонялось к особенностям фигуры. В результате длительных тренировок стрелок сливается в единое целое со своим ружьем, оно как бы становится его длинной рукой, которой он сбивает стремительно летящую мишень. Я знаю по себе, что иногда на охоте, особенно на боровую дичь, не хватает времени тщательно прицелиться и приходится стрелять навскидку — ружье должно как бы «вкладываться» в плечо и находить цель.

Места для охоты были выбраны заранее. Нам сообщили, что северная утка уже пошла. И действительно, когда мы подъехали к заросшему камышом озеру, увидели — дичь есть, заняли позицию на берегу, чтобы битая птица не падала на открытую воду, на плес, иначе без собаки ее не найти. Вечерняя зорька прошла хорошо. Отец удачно стрелял из стендового ружья. Взяли несколько уток и, когда стало темнеть, решили сбить на воде добычу. На берегу лежал «куласик», маленькая плоскодонная лодочка с одним веслом «пропешкой». На этой лодочке быстро собрали с воды добытых уток. Но на всякий случай взяли с собой ружья — вдруг еще налетит стая. Вернулись быстро: лодка разохлась и подтекала.

Причалили. Стоял тихий осенний вечер. Хотя Одесса, юг, но было уже довольно прохладно. К тому же пошел ленивый ноябрьский снежок. Собираемся. Вдруг хватились: где ружье? Мое, 20-го калибра, было у меня на плече, а стендового, оленного, не было. Обыскали все на берегу. Нет. И вдруг

вспомнили, что, когда подбирали уток, «куласик» наклонился и зачерпнул воды: наверное, тогда ружье и упало за борт. Катастрофа!

Надвигалась темнота. Разожгли на берегу костер и по очереди стали заходить в холодную воду. Нырjali, обшаривали дно, коряги и камни, до крови разбили руки и ноги. Зажглась первая звезда. Мы почти не разговаривали друг с другом — так были подавлены случившимся. Ружье нужно было найти во что бы то ни стало и именно сейчас, по свежей памяти. Радостное чувство удачной охоты уступило место глубокой подавленности и страшной вины. Мы даже не замечали ран и холода. Время летело преступно быстро. Приближалась ночь. Светло было только у костра. Пора уезжать...

Лодка по-прежнему стояла у берега и, пока мы ныряли, наполнилась водой. Я машинально выгнул ее на берег и, когда перевернул, чтобы вылить воду, услышал какой-то стук. Поднял пустую плоскодонку — на траве, поблескивая в свете костра, лежало ружье. Оно показалось мне самым прекрасным из всего виденного мною раньше.

— На стене в вашем доме, Кирилл Сергеевич, висят роскошные рога оленя — как вы сказали, добытого отцом в горах Казахстана. Памятный трофей, у которого своя любопытная и необычная история. Еще одну историю, пожалуйста, «на закуsku».

— Во время войны вместе с трупной артистов Театра имени Моссовета нас эвакуировали в Алма-Ату. На шефских началах отец устроился руководителем драматического коллектива в училище пограничников, которое в дни войны готовило командиров Красной Армии. Однажды нас обокрали. Главное, взяли продовольственные карточки: «рабочую» отца, «иждивенческую» мамы и мою детскую. Семья оказалась на грани голода. В годы войны продовольственные карточки при утере не восстанавливались. И тогда отец решил добыть пропитание в горах. Он взял в реквизит театра старенькую двустволку и на два дня ушел в район Медео. Ныне здесь всемирно известный культурно-спортивный комплекс, и трудно себе представить, что в 43-м году это было дикое место со звериными тропами. Вот на одной-то из них отец и затаялся. Ему повезло на вторую ночь — на тропу вышел олень.

В семье был настоящий праздник. Мама поставила весы в коридоре общежития театра, мясо было тут же распродано, а нам осталась только оленья нога. Вечером пришел крайне взволнованный писатель Константин Симо-

нов — у него годовщина свадьбы с Валентиной Серовой, и он умоляет помочь. Отец объясняет, что поздно: все уже продано, осталась одна оленья нога, чтобы прокормиться самим.

Я уж не знаю, какие приводились аргументы, но после длительной дискуссии состоялся необычный бартер — оленья нога за новую, еще не оконченную пьесу «Русские люди». Спектакль отец поставил в драматическом коллективе военного училища. Успех был огромный. Пьесу посмотрели свыше шести тысяч бойцов и командиров, отправлявшихся на фронт. Собранные деньги пошли на постройку танка «Русские люди». От Сталина на имя Стоярова пришла телеграмма с благодарностью.

— В конце нашей беседы — с моими необычно короткими вопросами, чтобы читатель получил ваши обстоятельные ответы, — хотелось бы спросить: чем занимается фонд имени Сергея Стоярова?

— В 1991 году я создал фонд памяти отца и его соратников, для которых нравственные и духовные позиции были главными в жизни. Преподобный Сергий Радонежский говорил: «Стяжай то добро, которое тать не крадет и червь не точит». Эти слова стали девизом в работе нашего фонда. Поэтому так естественно возникла идея издания «Лицевого жития преподобного Сергия».

Отец снимался во многих морских фильмах, поэтому фонд выпустил альбом «Русский флот», посвященный первым российским броненосцам, пришедшим на смену парусному флоту России в конце XIX века.

Редкую книгу-альбом «Русские сказки и былины» с иллюстрациями Васнецова и братьев Соколовых наш фонд издал (совместно с Правительством Москвы) в память о былинных и сказочных киногероях Сергея Стоярова. А вот отцовская страсть к охоте, мои впечатления детства соединились на переиздании «Царской охоты». На эту работу ушло 5 лет. В рамках большого проекта «Книжная память России», призванного возвращать шедевры отечественной книжности современному читателю, нам удалось, казалось бы, невозможное — повторить издание «Царской охоты» и «Беловежской пущи». Вот этим сейчас наполнена моя жизнь.

— Как же вам, Кирилл Сергеевич, в наше трудное для издания «высокой» литературы время удалось эти уникальные книги все-таки выпустить? Надеюсь, вы расскажете нам об этом в другой раз. А пока спасибо за яркие воспоминания и больших удач вам в книгоиздательском деле!

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер паспорта, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН; номер страхового пенсионного свидетельства. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

Снежный баран

Сергей ТИШКЕВИЧ

Снежный баран, или, как его еще называют, чубук, толсторог, отличается от других видов баранов изумительной приспособленностью к самым суровым условиям жизни. Удивительно, что это довольно крупное животное (самцы достигают веса 120 кг) большую часть жизни обитает высоко в горах, в снегах и районах вечной мерзлоты. Сильные ветры, выюги, метели и даже жару до $+30^{\circ}\text{C}$ — все переносит этот зверь.

Неприхотлив снежный баран. Он может жить в горных тундрах и на самых высоких скалистых участках гор, питаясь самой разнообразной растительностью — от разнотравья и побегов кустарников до наземных лишайников и грибов.

Область распространения толсторога в нашей стране обширна. Он обитает в горах Северной Азии, от Чукотки и Камчатки на запад почти до низовьев Енисея, на юг до Яблонового хребта.

На территории России ученые выделяют шесть подвидов снежного барана: камчатский, охотский, якутский, путоранский, корякский, чукотский. Мне повезло: приходилось встречаться в природе со всеми подвидами толсторога. Животные действительно отличаются друг от друга и вариациями в окраске меха, и по форме и цвету рогов, есть различия и в размерах.

Цвет шкуры снежных баранов может быть в пределах от светло-коричневых до коричнево-бурых оттенков. Летом окрас меха в основном светлый (желтовато-серый), зимой — седоватый с серовато-коричневым отливом. К концу зимы толстороги становятся почти белыми.

Для некоторых подвидов снежного барана характерно большое белое пятно на лбу, но это не обязательно, в одной группе

можно наблюдать экземпляры с ярко выраженными белыми пятнами и вовсе без них.

Окраска снежных баранов — замечательное приспособление, которое маскирует их на фоне местности. Вписываясь в окружающий каменный фон, животные становятся малозаметными.

Рога снежного барана по длине относительно невелики, но они толстые у основания, тяжелые и массивные. Длина каждого рога у самца в расцвете сил составляет от 80 до 90 см, а обхват у основания — 36 см и более. Максимальная длина рога может быть до 115 см, а основание — до 39 см. Но такие экземпляры встречаются не часто, обычно это самцы, достигшие 16-летнего возраста.

Для всех снежных баранов свойственно грубое телосложение, ноги у них относительно короткие и толстые. На вид это плотный и коренастый зверь, однако по скалам он передвигается легко.

В местах, где люди появляются редко и баранов не очень беспокоят, они проявляют удивительную доверчивость к человеку. Мне неоднократно приходилось это наблюдать, главное — не делать резких движений. Подойти к пасущимся или отдыхающим баранам даже по открытой местности удавалось на расстоянии 50 метров. Животные проявляли любопытство, но дистанцию все же соблюдали — не спеша отходили.

Вот при таких условиях и были сделаны эти фотоснимки уникальных представителей рода горных баранов, обитающих в горах Восточной Сибири, Чукотки и Камчатки.

Н. ВЕРЕЩАГИН

В нашем журнале в рубрике «Моя биография» опубликовано около 20 статей и очерков Н. К. Верещагина. В этом номере мы печатаем очередной очерк из серии «Моя биография», в котором всемирно известный зоолог и биолог-охотовед рассказывает о своих охотах на фазанов.

Фазан — царственная птица. Мне довелось охотиться на фазанов в разных местах Европы и СССР — от Кавказа до Приморья

Моя охота на фазанов

Фазан — царственная птица — был с детства моей охотничьей мечтой. Дома у нас, в деревне Пертовке, в настольных вазочках всегда торчали длинные перья фазаньих хвостов. По рассказам отца Кузьмы Николаевича я знал, что он охотился на фазанов в Манчжурии в начале XX в. Там на трассе КВЖД работал и жил его друг-приятель инженер Николай Аполлонович Байков. Это был увлеченный натуралист, краевед, охотник на тигров, автор многих книг, в том числе «В горах и лесах Манчжурии», «Уссурийский тигр», «Жень-шень» и ряда статей в охотничьих журналах.

Мне самому довелось наблюдать фазанов и охотиться на них в разных местах Европы и Советского Союза — от Кавказа до Приморья. Впервые это произошло в 1927 г. у побережья Японского моря, под самой границей Кореи, у бухт Горшкова, Витязь и Посыета. На правах студента Московского Зоотехнического института я знакомился там с полувольным разведением пятнистых оленей, а заодно охотился на косуль, фазанов и тюленей. Выводки фазанов встречались там в дубовом редколесье по склонам невысоких сопок, заросших терном, жимолостью и высокотравьем. Помогала мне искать фазанов весьма породистая немецкая овчарка Белла. Успехи были невелики: пара косуль и пять фазанов за неделю охот. Впрочем, для начинающего зверового охотника это был, разумеется, превосходный результат.

Наиболее впечатляющими фазаньими охотами оказались для меня в 30-х годах в Казахстане и Киргизии, а в 40—50-х — в Азербайджане. Основательное знакомство с фазанами состоялось в Казахстане. Там в приречных лесочках и кустарниках (тугаях) по берегам реки

Сыр-Дарьи в 30—32 гг. была уйма фазанов, особенно между станциями Бирказан, Соло-тюбе, Джулек и Джусалы Среднеазиатской ж. д. — к востоку от Кызыл-Орды, тогдашней столицы республики. Наезжие ташкентские и московские охотники набивали фазанов с легавыми собаками сотнями. Хорошие стрелки брали за день до 30—40 птиц на ружье. Отлично помню, как вернувшись зимой 31 г. в Москву после своих первых охот по фазанам, я написал короткий очерк о жизни фазанов в тугаях Сыр-Дарьи и опубликовал его в журнале «Охотник» № 6 за 1931 г., рекомендуя устройство там интенсивных фазаньих хозяйств.

Основные биологические показатели фазанов

О фазане и его жизни в природе следует рассказать хотя бы кратко. Это птица отряда куриных, семейства фазановых. Ростом фазан с нашего тетерева — до 80 см от клюва до кончика хвоста, а весом до полутора килограммов. Самки фазанов заметно меньше — длиной 60 см и весом 1000—1200 г. От Черного моря до Тихого океана описано несколько подвидов колхидского фазана, обитающего в Абхазии. Номинальный вид с зеленой шеей, без белого воротничка, с относительно темной багряной окраской груди и тулови-

ща, с пестринами на брюхе и белыми подкрыльями. Плюсна (цевка) голая с небольшой шпорой.

В противоположность глухарю и тетереву, фазаны не образуют групповых токовищ. Весной, в брачный сезон, самцы держатся разрозненно — тут и там в окружении двух-трех куриц фазанок. Разгар брачного сезона у фазанов Средней Азии бывает в апреле, когда хриплые, харкающие крики фазанов доносятся за 300—400 м в открытых местах и за сотню-полторы в лесу в течение целого дня, но чаще по утрам и вечерам. Это возбужденные петухи подлетывают временами на метр-полтора, громко хлопая крыльями. Ударами ладони по голенищу сапога можно вызвать на ответные токовые действия птиц, сидящих в пределах слышимости.

Фазаны весьма плодovitы. После спаривания фазанки устраивают на земле под ветвями кустарников (терна, чингила) или под стеблями полыни, высоких злаков, солодки незатейливые гнезда. В кладке бывает обычно восемь-десять яиц светло-кремового окраса, похожих на куриные. В оптимальных местах у взрослых фазанок бывают кладки и в 20—24 яйца! Подмечено, что петухи фазаны присоединяются к выводку, когда птенцы начинают перепархивать, чем облегчают фазанкам присмотр за выводком.

К сентябрю молодняк уже достигает размеров и веса взрослых птиц. К октябрю взрослые птицы заканчивают линьку, одеваясь в полный зимний наряд. Петухи в это время очень нарядны в зеленой окраске головы и шеи и багряно-красных тонах груди и брюха с пестринами на спине и хвосте. Белый воротничок на зеленой шее петухов характерен для среднеазиатских и дальневосточных фазанов. Фазанки остаются в скромных серых красках тела и хвоста.

Фазаны обитают в лиственных лесах и перелесках 40-х параллелей Евразии с обилием разных видов колючих кустарников. Однако больших лесных массивов они избегают и в низовых лесах предгорных низменностей Кавказа и Тянь-Шаня придерживаются опушек по берегам рек и ручьев. За любимым кормом фазаны способны вылетать за несколько километров в глинистую пустыню. Так было и бывает, например, в районе станции Соло-тюбе, где они вылетали на 5—6 км от сырдарьинских тугаев в пустыню на низкие заросли шведской солянки и кормились там ее семенами все дневное время. В Европе фазаны теперь разведены от берега Балтийского моря до Средиземноморья и от Британских островов до Карпат и Балкан. Фазанов нет в южной Сибири и Монголии.

Некоторые привычки и поведение фазанов

Фазаны типично дневные птицы, явно не любят летать, а от преследователей (будь то человек, собака, хищ-

ный зверь, пернатый хищник) предпочитают убежать, уходить пешком, пользуясь своими потайными тропами в кустарниках. Однако при нужде фазаны показывают классические летные способности. Грудная полетная мускулатура у фазанов превосходна. В январе 31 г. я видел, как пара тетереватников застала нескольких фазанов в глинистой пустыне Казахстана. Спрятаться в низкой щетке солянок было негде, а до спасительной чащи тугаев было несколько километров. Три фазана взлетели тогда на высоту 300—350 м и казались там малыми воробушками, улелетывающими в спасительные тугаи

Сыр-Дарьи. При загонных охотах фазаны бегут в кустах от загонщиков, пока есть возможность, и взлетают только видя впереди чистое пространство. Обычно это бывает перед стрелковой линией. Спугнутый фазан взлетает, иногда с беспокойным кудахтаньем, вертикально на 8—10 м и затем переходит в горизонтальный полет. Этот момент секундной остановки в воздухе очень удобен для стрельбы.

Помню, на Сыр-Дарье в январе 1931 г. мы охотились с лесным объездчиком — уральским казаком Алексеем Семеновичем Комаровым, применяя весьма простую тактику. Один из нас

Охотник на фазанов Н. А. Байков. Харбин, 1923 г.

ехал (поочередно) верхом на лошади вдоль гряды тугая, стреляя с седла взлетающих изредка фазанов и выбегающих зайцев-толаев. Другой в это время забегал вперед до конца очередной лесной гряды. Внутри гряды мы запускали овчарку Пистолета, который шуровал птиц в колючей чащобе. Основная потеха наступала в конце гряды, когда под напором Пистолета скопившиеся в чаще фазаны начинали взлетать целыми пачками. Мы легко настреляли тогда два с половиной десятка фазанов и двух толаев. Разыскивать подранков нам очень помогали сороки, которые безошибочно подмечали смертельность выстрелов по полету стреляных птиц и летели за такими подранками, рассчитывая поживиться на дармовщинку. Несмотря на жестокий мороз в минус 30° С, но при ничтожном снежном покрове, фазаны были хорошо упитаны, их жерновки были залиты жиром, а зобы переполнены любимым кормом — мучнистыми ягодами колючего лоха-джибды. Другой любимый зимний корм фазанов — семена солянок, растущих на открытых полянах и особенно в ровной глинистой пустыне, нередко вдали от тугаев. Мелкие черные семена шведской солянки снабжены пленчатыми летучками, и птицы заглывают их в зобы до степени плотно надутого мяча.

Очень увлекательны были осенние охоты в Азербайджане на наклонной равнине между лесным массивом тугаев реки Самур к югу, до города Шемаха. Это были окрестности районных городков Хачмас и Куба с обилием колючих кустарников: лоха, терна, ежевики, барбариса, мушмулы и граната. Там на пролете держались скальные голуби, вяхири, коростели и жили фазаны, кеклики, серые куропатки, зайцы-русаки и кабаны. Даже без собаки в сентябредля октября можно было поохотиться, вдоволь настреляться, добывая за день по десятку фазанов и столько же иной дичи. От Баку это было всего 200 км, что позволяло управляться с такой операцией за двое суток с лихвой не торопясь.

Летом — с весны до осени — фазаны питаются преимущественно насекомыми: саранчовыми, жуками, а также листьями и молодыми побегами травянистых растений, принося заметную пользу в сельском хозяйстве истреблением вредителей.

Особенно любимым кормом бывают семена таких сорняков, как куриное просо, аржанец, пырей и, разумеется, культурные зерновые: пшеница, овес, ячмень, кукуруза. Фазаны превосходно уживаются в культурном ландшафте, свидетельством тому — процветание их популяций в странах Западной Европы. Охотничьи хозяйства Венгрии, Чехословакии, Румынии, Франции, Бельгии, Италии, Югославии основаны именно на разведении фазанов (наравне с серой куропаткой, перепелом, зайцем-русаком, косулей и благородным оленем). За одну загонную охоту там добывают по несколько сот фазанов.

В Средней Азии орошение пустынь и создание в них новых посевных площадей, культурного ландшафта с зарослями трав и кустарников сразу же ведет к самостоятельному заселению их фазанами из ближайших очагов. Так было, например, при орошении Голлодной степи Узбекистана в половине прошлого, XX в. Однако глубоких снегов фазаны не переносят и многочисленные попытки разведения их в средней России — под Петербургом, Москвой, Владимиром — неизменно оканчивались неудачей из-за отсутствия потребных натуральных кормов и многоснежья.

Заняты бывают повадки фазанов при попытках самозащиты от врагов и человека. В Казахстане, Узбекистане фазаны взлетают на ночь на деревья лоха (джибды) или туранги (разнолистного тополя), спасаясь тем самым от степных кошек и шакалов. В Киргизии, в долине реки Чу к югу от города Фрунзе (Пишпека) масса фазанов держалась и кормилась днем в зарослях солодки, камыша (тростника) и чия. В октябре я как-то заночевал в таком месте и наблюдал, как вечером фазаны выбирались из солодковых зарослей на открытые полянки с голым грунтом и ночевали плотными группами в 10—12 птиц, занимая круговую оборону, подобно серым куропаткам и кекликам. По утрам они вновь разбредались в солодковые чащи, оставляя на местах ночевки характерные круги из пометов-кака.

В Азербайджане, в лесах Алазано-Исмаилинской низменности, фазаны охотно пользуются высокими деревьями бука, граба, лапыны для отдыха и нередко сидят на толстых горизонтальных ветвях, свесив хвосты и маскируясь в листве. Завидев охотника, они не желая летать, обычно маскируются, распластаваясь вдоль ветви и плотно прижимая к ней голову, шею и хвост. Фазаны издавна были приучены ночевать здесь на деревьях, спасаясь тем самым (подобно домашним курам) от шакалов, лесных котов, отчасти от куньи-белодушек. С 70-х гг. такой прием оказался для них бесполезным и даже вредным, так как выпущенные здесь и размножившиеся еноты-полоскуны, отлично лазая по деревьям, стали охотиться на спящих фазанов.

В Киргизии, кроме долины реки Чу, мне удалось поохотиться на фазанов на берегах озера Иссык-Куль в зарослях облепихи. Этот колючий кустарник дает массу питательных ягод, и фазаны охотно их поедают. Одновременно облепиха обладает и превосходным защитно-ремизным свойством не только для фазанов, но и для зайцев-толаев в участках Чолпан-ата — на северном берегу полуострова Песчаный в восточном конце этого высокогорного озера.

В 70-х гг. прошлого века я вел палеонтологические раскопки пещер в долине Сучана — к северу от города Находка. Там, в окрестностях села Владимирского (теперь Партизанского), в

конце XIX в. охотился Н. М. Пржевальский на фазанов и тигров. Ни тех, ни других я уже не застал. Фазаны были истреблены, вероятно, пестицидами, это вызвало резкое осуждение таким знатоком дальневосточных охот, как Валерий Янковский. Развести здесь фазанов заново мешает только лень местных охотоведов и охотников.

Перспективы

В дальнейшем — европейском зарубежье охотиться на фазанов мне практически не пришлось, но тамошний опыт фазаньих хозяйств, разумеется, надосмерно использовать, заимствовать нашим охотоведам. В Чехословакии я добыл всего двух петухов фазанов во время грандиозной охоты на серых куропаток в окрестностях города Брно в 1960 г. Там проходило первое международное совещание по изучению млекопитающих, и для меня и профессора Узингера (из университета в Гамбурге) хозяева, словаки, устроили охоту. Четырнадцать словаков-охотников с курцарами (из двух смежных поселков) шли цепью по стерне пшеничных и ячменных полей, предоставляя нам двоим возможность стрельбы взлетающих куропаток и старых петухов фазанов. Сами словаки не стреляли, а лишь поощряли нас, гостей. Мы добыли с полсотни куропаток, причем хозяева жалели, что мало. Поясняли: вот-де неделю назад пятеро итальянских стрелков добыли здесь же за два дня 1050 куропаток, которых они, хозяева, тут же реализовали через местный базар.

В пределах России разведением фазанов в природе — на воле имеет смысл заниматься по Черноморскому побережью на юге Ростовской области, в Краснодарском крае, предгорном Северном Кавказе (включая Ставрополье и Маныч), равнинном Дагестане (включая долину Терека и Сулака). Все дело здесь в частной и государственной инициативе. Здесь опять-таки полезно сослаться на зарубежный опыт, в частности на США. В Соединенные Штаты Америки наш фазан был завезен, удачно акклиматизирован и разведен в начале XX в. В 80-х гг. в средних штатах Южная Дакота, Кентукки, Небраска на фазанов охотилось уже до 300 тыс. стрелков, добывавших до полутора миллионов птиц в год. Фазан стал одной из любимейших птиц для американских стрелков-спортсменов.

**ЗАПЧАСТИ
К МОТО-ВЕЛОТЕХНИКЕ,
СНЕГОХОДАМ, БЕНЗИННАМ,
ПОДОЧНЫМ МОТОРАМ,
А ТАКЖЕ ВЕЛОСИДЕДЫ И КОЛЫШКИ
ВЫСЛАЕМ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ
Адрес: 107258, Москва, а/я 4**

ФОТОКОНКУРС «Охота и природа, 2007»

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
объявляет очередной фотоконкурс «Охота и природа, 2007»**

Условия конкурса

Принимаются цветные и черно-белые фотографии размером 15x21 см, а также слайды. Фотоочерки из любого количества фотографий.

Нас интересует любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: звери и птицы, виды и способы охоты, работа охотоведов, егерей, охотинспекторов, обществ охотников и охотничьих управлений, биотехнические мероприятия в охотничьих хозяйствах, спасение попавших в беду животных, борьба с браконьерством, охотничьи угоды и жанровые фотографии.

За лучшие фотоочерки и фотографии установлены премии:

1 первая 5000 рублей,

3 вторых по 2000 рублей,

4 третьих по 1000 рублей.

Присланные фотографии по почте не возвращаются, они могут быть использованы для иллюстрирования журнала. Прием фотографий заканчивается 10 декабря 2007 года.

В письме или на оборотной стороне каждого снимка укажите, пожалуйста, фамилию, имя и отчество (полностью) автора, день, месяц и год рождения, паспортные данные, адрес, ИНН, номер страхового пенсионного свидетельства, а также название фото (или серии) и место съемки. На конверте напишите: на фотоконкурс.

Камчатка. Встреча у медвежьей тропы. Фото С. Тишкевича. Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

Советы бывалых охотников

Капкан на соболя

Хочу описать достаточно необычный (во всяком случае я нигде не слышал, что кто-то подобным способом ловил соболей) способ установки капканов. По своему опыту я знаю, что способов установки капканов множество, практически каждый охотник пользуется двумя-тремя излюбленными. Много лет я жил и охотился в Туве, на одном из отрогов хребта Тану-Ола. Снежный покров здесь не превышает 40—50 см, практически всю зиму можно ходить, не пользуясь лыжами, и снег даже не прикрывает кустарники. Соболя любят голубику, и часто можно видеть многочисленные кормовые следы соболя на полянках, поросших голубичником с остатками ягоды.

Суть установки капкана такова. На полянке, поросшей голубичником, где есть кормовые следы соболя, нужно выбрать место, не особенно заросшее кустарником, и приготовить следующее:

1 — срубить тонкое деревце длиной 3,5—4 м, как удилище, очистив его от ветвей, привязать к макушке прочную капроновую нитку длиной на полметра короче этого деревца;

2 — подготовить капкан, предварительно привязав потаск.

На облюбованном месте нужно во-

ткнуть в снег заготовленное деревце с небольшим наклоном, приблизительно 30—40 градусов, за нитку привязать приманку, чтобы она находилась на высоте около полуметра над уровнем снега, а под приманкой установить капкан обычным способом, замаскировав его снегом. А теперь самое главное, как говорится, «соль» этого способа.

Так как приманка висит на очень длинной нитке, нужно отвести ее в сторону и укрепить в этом положении, подперев заранее приготовленной рогаткой — нетолстой палочкой с раздвоенным концом.

Соболь, обнаружив приманку, без опаски, т. к. капкан находится в полутора метрах, начинает заниматься приманкой и обязательно роняет подпорку: приманка, стремясь занять вертикальное положение, начинает раскачиваться, и зверек неизбежно попадает в капкан. Этот способ я назвал «маятник», и мне кажется, по-другому его и не назовешь.

Капканы, установленные таким способом, довольно добычливы, я много лет использовал их, правда, мест для установки было не так много, я ставил всего пять-шесть капканов и за охотсезон почти в каждый капкан ловил соболя.

К недостаткам следует отнести то, что капкан ставится на открытом месте и даже при небольших осадках его засыпает снегом, приходится тратить усилия и время на его перестановку. Приманка должна быть привлекательной для зверька, такой, чтобы он непременно начал трогать ее, а не просто интересоваться. Птицы также, пользуясь тем, что приманка укреплена, запросто присаживаются на подпорку и расклеивают ее. Но зато ни одна из них не попадает в капкан. Устанавливать капканы вышеописанным способом можно и тогда, когда возникает необходимость отловить опытного, старого зверька, который разбойничает на путике, обдирая приманку и не попадаясь в капканы. В установленные способом «маятник» капканы такие «разбойники» попадают без осечки. Этот способ можно применять и для отлова более крупных хищников, таких, как россомаха и рысь. Конечно, в этом случае и капкан и приманка, да и все остальное должно соответствовать размерам и силе этих зверей.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел рассказать. Удачи вам, таежники!

А. КРЫЛОВ
Красноярский край

Бурятский узел

Хочу рассказать о том, как привязывают алтайского коня к коновязи или около любого места, где оставляют (у крыльца, например, или около забора). А привязывают его концом повода особым узлом. В разных местностях он называется по-разному — бурятский, якутский, калмыцкий, кубанский, казачий и т. д. По сути же это один и тот же узел, только в различных вариантах, которые друг от друга не очень-то отличаются. Присущи они только тем районам, где конь используется главным образом как верховой. И алтайцы таким же пользуются.

Еще в детстве отец научил меня вязать бурятский узел. Не уверен, прав-

да, что он называется именно так. Вязать его умеючи, конечно, можно за секунды даже в рукавицах и в любую погоду. Как это сделать, показано на рисунках.

Прежде всего надо обвести свободный конец узды или просто шнура вокруг столбика или жерди так, чтобы он оказался слева, а затем последовательно проделать следующие шаги:

— взять свободный конец тремя пальцами левой руки (большой, указательный и средний), а правой — тот, что идет к узде, назовем его коренной (а);
— сделать полный оборот коренным концом вокруг пальцев со свободным (б);

— перехватить большим и средним пальцами левой руки «окончание» коренного конца и протащить его влево так, чтобы образовалась петля, не давая распуститься начавшему образовываться узлу, прижав его большим пальцем (в);

— просунув в эту петлю слева и снизу большой и указательный пальцы левой руки, взять ими свободный конец (г);

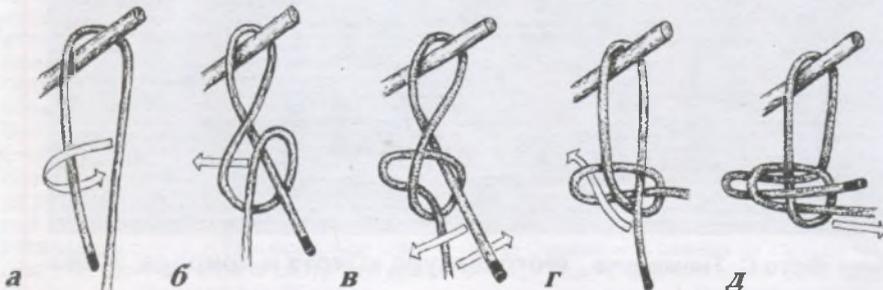
— протащить этот свободный конец в петлю так, чтобы образовалась новая петля (д);

— затянуть узел, вытягивая вправо коренной конец.

Чтобы развязать узел, потяните за свободный конец.

Конечно, глядя на рисунки научиться вязать любые узлы трудновато. Надо все-таки видеть, как это делает умелец, однако получиться может и у «заочника». Главное — не дать узлу ослабнуть во время завязывания, но в то же время петли делать довольно широкими, чтобы шнур проходил в них свободно, и ни на секунду не выпускать его из пальцев, а потом тренироваться, тренироваться и тренироваться — и научитесь. У меня же получилось.

Д. ЖИТЕНЁВ
Рисунки автора

Жильные нитки

Для шитья национальной одежды и обуви алтайцы используют жильные нитки. Их делают из широких ленто-видных сухожилий со спины коня, быка или коровы, лося или марала (рис. 1). Годятся сухожилия и со скакательного сустава (ахиллесовы), но они короче спинных. После высушивания или даже копчения в аиле над костром сухожилия, чтобы размягчить, бьют деревянной колотушкой на чурке. От этого они расслаиваются на волокна, которые потом отделяют пальцами и расщипывают на тоненькие волоконца. Но это еще не нитки. Чтобы их спрясть, ссучить, связывают пару волокон более толстыми концами и берут узелок большим и указательным пальцами левой руки, разведя свободные концы в стороны. Затем подносят левую руку к правому бедру (положение — сидя), укладывают их на него поперек, накрывают ладонью правой руки, немного,

Рис. 1

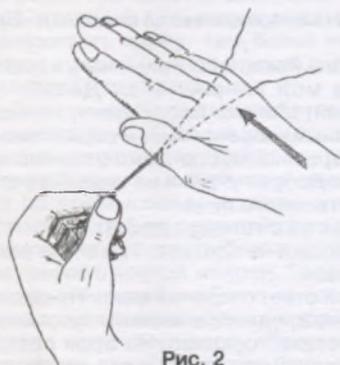

Рис. 2

пардон, поплевав на нее, и, прижимая жилки к бедру, делают быстрое движение рукой от себя к колену (рис. 2). Жилки при этом скручиваются не только вокруг своей оси, но и между собой в нитку, которая уже не раскрутится. Если надо спрясть более длинную нитку, закладывают дополнительные жилки между первых двух. Так в принципе можно ссучить нить любой длины, но обычно этого не делают, потому что слишком длинной ниткой шить трудно. Жильные нитки превосходно держат шов. Они словно срastaются со шиваемой кожей и даже когда изнаются, остатки держатся в проколах, словно заклепки.

Думаю, что вряд ли кто воспользуется моими советами, — не то время. Просто я хочу напомнить читателям, как все это делалось в старину.

Д. ЖИТЕНЁВ
Рисунки автора

21-я Международная выставка

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА РУСИ

Крупнейшая в России

МОСКВА, ВВЦ,
22-26 ФЕВРАЛЯ 2007 ГОДА,
ПАВИЛЬОНЫ: 57, 69, 70

УСТРОИТЕЛЬ:
Русская выставочная компания «ЭКСПОДИЗАЙН»
Тел./факс: +7 (495) 181-44-74; +7 (495) 258-87-66
E-mail: ribalka@expo-design.ru; <http://www.expo-design.ru>

**ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ,
ДОБЫТУЮ ОХОТОЙ
РОГА ЛОСЯ, ОЛЕНЯ, ШКУРКИ КРОТА**

623384 Свердловская обл., г. Полевской, ул. Р. Люксембург, д. 103

Тел/факс (34350) 7-17-16; 8-902-8743299, 8-912-8215052

С 5 по 8 апреля 2007 года в единственном в Самарской области специализированном выставочном центре «Экспо-Волга» пройдет 4-я межрегиональная выставка-шоу «Рыбалка. Охота. Активный отдых»

Охотники хотели бы иметь универсальную собаку: по соболю, глухарю, уткам, лосю, медведю... Такие собаки — редкость

С лайками охотятся на зайцев, лисиц, рябчиков, куропаток, уток и даже фазанов. В большинстве случаев круглый год они живут со своими хозяевами в теплых квартирах. Такие лайки умеют многое, за исключением главного — быть незаменимыми помощниками охотнику в суровых таежных условиях.

У профессиональных охотников требования к лайке более жесткие. Им нужна рабочая собака без фокусов. Потеря собаки перед пушным промыслом — катастрофа. В тайге без лайки, как без глаз и рук. В таких случаях не до экстерьера. Один промысловый охотник, лишившийся своего четвероногого помощника, заявил: «Да у пса пусть уши хоть на крестце растут — лишь бы гнал соболя».

Промысловая лайка Джек

Г. ЛАПСИН. Фото В. Животченко

Каждый охотник хотел бы иметь универсальную собаку: чтобы она как мелочница работала по мелкому пушному зверю, глухарю, при случае доставала с воды утку, а как зверовая работала по копытным и медведю. Такие собаки — редкость. Каждая лайка отдает предпочтение добыче определенного вида животного. Промысловик нахаживает и поощряет своего питомца по тому зверю, добыча которого обеспечивает ему наибольший и стабильный заработок.

Универсальность собаки может сыграть злую шутку с ее хозяином. Основной заработок промысловому обеспечивает добыча соболя. Допустим, через охотничий участок проходит сезонная миграция лосей. Азартная собака может несколько суток гонять зверя, после чего возвращается в зимовье израненная об кустарник, исхудавшая, вымотанная до предела — пропало еще два-три дня и без того короткого сезона ружейной охоты. С возрастом универсальная лайка может вообще отказаться работать по соболю и полностью переключается на копытных или наоборот.

Как-то один легашатник заметил, что лайка — «мужицкая» собака. Это не совсем верно. Легавая работает в тридцати-пятидесяти метрах от охотника и полностью находится под его контролем и руководством. Лайке нужно меньше времени на нахаживание, чем легавой на натаску, потому что охотиться на диких животных у нее в крови. Это одна из первых собак, которую приручил человек и десятки ты-

сяч лет шлифовал ее лучшие охотничьи качества. Лайка полностью самостоятельная собака — работает в течение всего дня на большом расстоянии от своего хозяина — от ста метров до нескольких километров и более. Поэтому ей требуется нахаживание и специфическая выучка на послушание.

В семидесятые — восьмидесятые годы прошлого столетия я работал в госпромхозе «Ленский» на юго-западе Якутии. По роду службы мне приходилось в течение круглого года часто бывать в охотничьих угодьях площадью почти в восемьдесят тысяч квадратных километров. В служебных командировках незаменимым помощником была лайка.

Помню, в марте принес мне двухмесячного щенка восточносибирской лайки якутского направления мой дядька Александр Максимович. «Родители — отличные соборятники, береги щенка», — заверил он, передавая мне симпатягу. По личному опыту знал, что отличные собаки получались из тех щенков, которые с раннего детства жили в тайге. Мне предстоял длительный отпуск с выездом на Большую землю. Заниматься щенком не было никакой возможности. Я попросил опытных якутских охотников Романовых, отца с сыном, взять Джека в тайгу. Они практически круглый год жили в тайге, где опомышляли огромный охотничий участок на северо-западе промхоза. Их крепкий якутский конь с длинным густым волосатым покровом никогда не покидал охотничьего участка. На нем, преимущественно верхом, ездил отец.

Зимой сын предпочитал снегоход «Буран».

В июле Романовы появились в городе. На мой вопрос: «Где Джек?» — старший, Михаил Васильевич, немногословный, коренастый, с коричневым от загара лицом, спокойно ответил: «В тайге». Добрая улыбка не сходила с его мужественного лица.

— Так он с голоду сдохнет.

— Однако не сдохнет. Там в яме полно караса.

Такой ответ озадачил меня. Представил щенка, одного в лесной глухомани, и мне стало тоскливо. На этом разговор закончился. Джек один пробыл в тайге полтора месяца.

В середине сентября Романовы привели ко мне Джека, превратившегося в великолепную собаку черного окраса, с белой манишкой и белыми передними лапами. Голова с округлым лбом, маленькими ушами и коротким «брусковидным» щипцом, роста высокого, крепкой конституции, с сильными комоватыми лапами и прекрасно развитыми мышцами. Впечатляла мощная грудная клетка и поджарый живот. Черный блестящий остевой волос был длинным и жестким, подшерсток густой и пышный. В дальнейшем волосистой покров ни при каких обстоятельствах не сваливался и всегда имел привлекательный и опрятный вид. В такой «шубе» пес не мерз в крепкие якутские морозы, не травмировался, продираясь через самый густой лиственный подрост и ерниковые заросли.

У собаки были умные глаза. При нашем разговоре она поочередно обра-

щала свой взор на говорящего, как бы силясь понять, что он выражает при помощи непонятого «лая». Джек чувствовал, что разговор о нем, и разговор серьезный. При этом в Джеке не было и тени суетливости, присущей молодым лайкам, вертлявости и возбужденности по всяким пустякам. Передо мной была степенная, выдержанная собака с прекрасной устойчивой психикой.

Я искренне поблагодарил охотников за прекрасное состояние моей собаки и спросил:

— Джек будет работать по соболю?

— Должен, — уверенно заверил старший и, подумав, добавил: — Учугей (хорошая) собака.

Воспитанием щенка занимался Романов-старший. Промысловик потомственный, человек основательный, трезвый, умный и знающий себе цену. Послушание Джеку он привил великолепное. Всякое воспитание щенка основывается на поощрении и принуждении. Якуты наказывают повзрослевшего щенка за большую провинность только один раз, но основательно — до потери сознания наказуемого. Не знаю, как было на самом деле, но у Джека был какой-то стержень понимания: что можно себе позволить, а чего нельзя, чтобы не вызвать моего недовольства. Моя команда «нельзя!» беспрекословно пресекала любое его намерение или начатое действие. Романов-старший прекрасно знал и умел нахаживать лайку, тем более что они находились в родной стихии и оба по своему были талантливы.

Охотники-якуты не любят в тайге лишнего шума. По самому густому и захламленному лесу они крадутся бесшумной тенью. Собаки *нахажены* только по промысловому зверю и птице. Летней порой ни одна лайка не облеает бурндука, белку, рябчика, тетерева, не говоря о прочей мелочи. Перемещаясь по тайге, собаки бегут за лошадью, привязанные за поводки к собранному в узел конскому хвосту. Все эти премудрости таежной жизни Джек освоил в совершенстве. Требовалось время для выработки взаимопонимания между мной и Джеком. Собака должна понять, чего от нее требует хозяин в каждом конкретном случае.

Мне следовало наладить наши «социальные» взаимоотношения. В понимании Джека вся наша семья в составе жены, сына, дочери и тестя с тещей — стая. Хорошее отношение к нему всех членов «стаи» было воспринято Джеком однозначно, что он тоже является членом нашей стаи. Вскоре он понял, что я являюсь «вожаком», и все встало на свои места. Мне осталось определить его роль и обязанности, научить неуверенно выполнять законы стаи и его прямые обязанности промысловой лайки.

В начале сентября я отправился с ним собирать бруснику. На первых порах он боялся залезать в машину. Но со временем освоился и охотно, с радостью запрыгивал в мой ГАЗ-69. В тайге он

чувствовал себя как рыба в воде. Его быстрый бег завораживал пластикой и согласованностью движений каждого мускула и сустава. Он не бежал — стеллился над землей, как бы без видимых усилий переливаясь через встречные поваленные деревья, колодины, выворотни и ямы. По красоте движений его бег напоминал бег волка.

Пока я наполнял горбик ягодой, Джек бегал по лесу, то и дело возвращаясь ко мне. Я решил проверить старую гарь, изобилующую спелой голубицей. Не успел пройти ста метров, как взлетел матерый глухарь и скрылся в тайге. С волнением ждал, найдет его собака или нет. К моей радости, через несколько минут залаял Джек. Голос у него оказался громким и басистым. При моем приближении молодой пес перебежал на противоположную сторону сосны, не переставая спокойно лаять. Я был рад не столько нашей первой добыче, сколько уверенной работе Джека по глухарю.

Восточносибирская лайка Амур. Владелец В. А. Ярошенко

Первый охотничий сезон получился у нас с Джеком сезоном обучения и «притирки». Я нахаживал молодого кобеля таким образом, чтобы из него получился хороший соболятник. Джек не искал и не лаял белку, рябчика и тетерева. Меня это устраивало — добыча белки при низкой ее численности экономически нецелесообразна, а «гоньба» мелкой птицы только отвлекает собаку от работы по соболю.

У меня был еще один кобель по кличке Сокол, тоже восточносибирская лайка, но из иркутского питомника треста коопзверпрохозов. Отличная собака, но в «почтенном» возрасте.

В первый день промысла Байкал загнал соболя в дупло трухлявого пня. Я привязал его к стоящей рядом тонкой листвяжке. Решил Джеку дать возможность самостоятельно придушить выкуренного из убежища соболя с тайной надеждой, что агрессивный зверек, защищая свою жизнь, наглядно «покажет» Джеку свои сильные «аргументы» и слабые места. В пне заткнул входное отверстие и вырубил топором небольшую щель, из которой в то же мгновение высунулся кончик соболиного носа, что вызвало у собак взрыв азартного лая, а в моей душе ликование — у Дже-

ка проснулся зов его родителей, отличных соболятников! Я обстучал обухом топора весь пень. Дупло заканчивалось около земли. Прорубая небольшие отверстия от верхней части пня и затыкая их, всякими палками, «выдавил» к земле до предела возмущенного зверька. Затем чуть расширил щель до таких размеров, чтобы он не смог беспрепятственно выбраться наружу. Собака и соболя оказались нос к носу: маленький хищник угрожающе урчал, фыркая — Джек визжал, лаял и грыз неподатливое дерево, но достать желанную добычу не мог. Вот поистине — видит око, да зуб неймет.

Я еще на несколько сантиметров расширил щель с таким расчетом, чтобы соболю мог через нее выбраться наружу. Но Джек опередил меня — первым просунул свой нос в дупло. В тот же миг с визгом отпрянул назад. На его морде, вцепившись острыми зубами в кончик носа, висел маленький рыженький соболю. Я не успел его схватить, как он, почувствовав свободу, разжал челюсти и бросился прочь. Я опешил от такой наглости и вероломства, но только не Джек. Через пять секунд он настиг обидчика и сделал хватку по месту — за хребет в районе лопаток, мотая обреченного зверька из стороны в сторону с неминуемой частотой до тех пор, пока тот не испустил дух.

Снегоход «Буран» значительно облегчает промысел соболя и других охотничьих животных. Вот только собаки не готовы покрывать огромные расстояния вслед за чудо-техникой. Сокол покорно бежит по готовой буранице, значительно отставая от железного «коня». Джек никаким образом не хочет отставать и дышать выхлопными газами. На первых порах он, легко перепрыгивая через всякий лесной хлам, бежит слева от снегохода. Через три десятка километров он устает. Мне не нужна усталая собака. Прибавляю скорость, насколько возможно в таежных условиях. Через несколько километров останавливаюсь и по команде «на место» привязываю уставшую собаку сырьемными ремнями поперек сиденья снегохода таким образом, что передняя часть ее тела находится с левой стороны, а задняя с противоположной. Такое положение не устраивает Джека. Он пытается высвободиться от пут, но тщетно. После десятка километров езды по таежным хлябям отпускаю шокированную собаку на свободу. На следующий день обучение продолжил по аналогичной схеме. На третий день Джек без всякого принуждения занял на «Буране» свое место за моей спиной. Через четыре дня он приноровился балансировать и не падать даже при резких наклонах снегохода на различных таежных колдобинах. Когда на пути снегохода встречались различные ветки деревьев и кустарников с левой стороны на уровне головы собаки, я снимал левую руку с руля и прикрывал ее голову от ударов и повреждений.

При любой, даже самой низкой, ак-

тивности соболя обязательно встретится хоть один его свежий след. Обычно собака быстро привыкает работать по «горячему» следу. Только мы остаемся навливаемся, как Джек спрыгивает и проверяет соболиный след. По свежести он начинает работать моментально, без моего посыла. Не успеет пес согреться, как соболь уже на дереве. В тех же случаях, когда снегоход пересекает старый след, а я впопыхах ошибаюсь и посылаю Джека в поиск, он, пробежав по следу тридцать-сорок метров, возвращается, демонстративно заскакивает на сиденье, отворачивается от меня и как бы укоряет: «Постыдись, хозяин, след-то вчерашней давности».

Я нахаживал его на правильный манер поиска соболя. Сначала он терял много времени, чтобы распутать мозаику жировочных следов. Я брал его на поводок, «обрезал» по кругу путаницу следов таким образом, чтобы они оставались в круге. Найдя выходной след, спускал его с поводка. Вскороости Джек превосходно усвоил данный урок. Скорее всего, в этом не моя заслуга, а прекрасные генетические данные его родителей и дальних предков. Плохая собака гонит соболя по следу, затаптывая его своими лапами, со всеми негативными последствиями. Хорошая — никогда. Джек был отличным собаководом. С первых дней промысла гнал соболя, преследуя его вдоль следа.

День выдался пасмурным. С серого неба, медленно кружась, сыпался пушистый снег. В старом сосняке соболь лакомился вкусными голубичными ягодами, оставшая на голубеющем снегу темно-красные бусинки сока. Все было испещрено его следами. Казалось, никогда не разобратся, откуда он пришел и куда удалился. Я внимательно осмотрел следы под молодой разлапистой сосенкой, где свежее выпавшего снега было поменьше. Следы были большими и округлыми. Радостно забило сердце. «Старый соболь», — решил про себя, подбрасывая на суконой рукавице снег, примятый лапками зверька. И тот рассыпался наполовину. «Прошел чуть более часа назад. Далеко не уйдет!» — удовлетворенно решил я. Джек сделал круг, нашел выходной след и помчался на махах, оставляя след слева.

В густом лиственничнике след повернул направо. Собака пересекла его, учуяла и увидела. Теперь она преследовала соболя слева от следа. Зверек мышковал. Его перемещение по тайге напоминало бруновское движение. Но

умная собака и не пыталась распутывать соболиный ребус. Она упорно оставила соболиный след справа, который повел в еловый распадок. Джек долго не пересекал его и начал подвливать направо.

Зверек прошел короткими шажками по наклоненной над землей елью, осыпая пушистый снег, спрыгнул и побежал двухчеткой дальше. Джек пробежал под этой елью, как под слагбаумом, но каким-то образом учуял след, и погоня продолжалась.

Работать после пороши по свежести следу одно удовольствие! Стерильно чистая снежная пелена хранила целомудренную тайну таежных страстей прошедших дней. Ничто не отвлекало внимания собаки. Я не распугивал собаку, тем более соболиные следы. При этом прислушивался — не лает ли верный помощник!

На противоположном склоне распадка соболь сделал круг, пересек свой след почти под прямым углом; но кобель учуял разницу в свежести запахов и погнался по свежести. Зверек спокойно обследовал выворотни и поваленные деревья. Я легонько поделел носком ичига соболиный след, который рассыпался в прах. «Горячий — подумал я, вытирая пот с разгоряченного лица, — вот-вот загонит».

Соболь услышал собаку метров за триста. Посидел несколько секунд, внимательно прислушиваясь, определил, что преследуют именно его, и помчался к старому кедру, в дупле которого было его надежное укрытие. Собака бежала быстрее, с легкостью перепрыгивая через поваленные деревья и заснеженный бурелом. Выскочив из ельника, Джек наконец увидел бегущего соболя. Его гибкое темно-каштановое тело змеисто извивалось среди изумрудной зелени молодых елочек. Кобель нагнал. Соболь, очумевший от страха, увернулся от острых кльков собаки и заскочил на тонюсенькую березку. Таежную тишину расколор радостный лай. Соболь, балансируя, с трудом удерживался на гибких ветвях голоногий березки.

— Молодец, Джек! Молодец! — хвалил я быстроногую собаку. Но пес отбежал на противоположную сторону березки, не спуская зорких глаз со зверька, и как бы укорял меня: «Рано радоваться. Надо еще изловить этого хитреца».

Зверек заволновался; бусинки его черных глаз, не обращая внимания на странного зверя, который не может лазать по деревьям, утаивались на

меня. Каждой клеткой своего возбужденного организма он чувствовал, что наибольшая угроза исходит от меня. Он заурчал, закурил красивой головкой, подобрался весь и, оттолкнувшись всеми лапами одновременно, птицей взвился в воздух, пролетел вперед несколько метров и, потеряв инерцию, падал отвесно вниз с вытянутыми и широко расставленными передними и задними лапами. Не успел он коснуться земной тверди, как челюсти собаки сомкнулись на его загривке.

Я обучал Джека всем премудростям промысловой охоты. Только в процессе промысла лайка накапливает опыт в познании повадок зверей, что позволяет ей предугадывать самые хитрые их уловки. Долгие годы Джек был верным помощником в моей охотоведческой работе. Каждый год в марте брал его на послепромысловый учет соболя. Как правило, залетали в охотничьи угодья на вертолете. Со временем он привык к его громкому реву, в тайге самостоятельно, вслед за мной, заскакивал в его трясущуюся утробу.

Весной он сопровождал меня на вылов караса и отстрел водоплавающей дичи. Бывало, я на утлой плоскодонке толкаюсь шестом вдоль берега озера, заросшего осокой и тростником, а он бегаёт рядом по холодным весенним лужам, переплывает затоны и протоки. В морозные утреники его волос индевет и при каждом движении легонько позванивает тысячами маленьких льдинок.

Летом мы с ним на моторной лодке обследовали отдаленные угодья или проверяли бригады рыбаков на боковых речках великой Лены. Я на корме за румпелем, Джек на носу. Ночевать приходилось в любом месте дикой тайги, где застанет ночь. Спал я всегда спокойно под пологом, потому что меня чутко охранял Джек. В период промысла пушных зверей мне часто приходилось посещать охотничьи участки штатных охотников, ходить по путикам с настроженными капканами и подвешенной приманкой. Иногда в ловушках были соболи и белки. Джек их не трогал.

Я промышлял только с Джеком. Меня он устраивал по всем требованиям к рабочей лайке. Со временем он превратился в мастеровитого собаководника. В его мозгу была заложена превосходная генетическая программа, на основании которой проявлялись различные стереотипы поведения для выслеживания, преследования и добычи лесных обитателей.

Каталог «ВСЕГДА С ПРИРОДОЙ»

Товары для охоты, рыбалки и туризма

Высылаем почтой более 10 000 наименований товаров

Каталог высылается бесплатно (вложить подписанный конверт)

Адрес: 117513 Москва В-513, а/я 66 Тел: (495) 724-62-13, т/факс: 658-06-94

Господа охотники!

Гончие на ринге

Фото автора

Почему не водите своих собак на выставки?

Е. ГОРБУНОВА

Охотничье собаководство всегда являлось приоритетным направлением в деятельности «Казанского губернского союза трудовых охотников», впоследствии «Казгорохотсоюза», а сейчас Татарского республиканского общества охотников и рыболовов. Основу Татарского отделения РФОС составляют секции охотничьего собаководства при районных обществах и первичных коллективах Татохотрыболовобщества, секции охотничьего собаководства общества охотников «Динамо», секции охотничьего собаководства Военно-охотничьего общества Казанского гарнизонного Совета ПриВО и, безусловно, пять центральных секций ТО РФОС по породам: борзые, лайки, гончие, норные, легавые и спаниели.

Одни из наиболее значимых кинологических мероприятий республики — Татарские республиканские выставки охотничьих собак были еще в далекие тридцатые годы прошлого столетия, их проведение не прерывалось даже в годы Великой Отечественной войны. Примечательно, что на XVI Татарской республиканской выставке в 1945 г. на стадионе «Динамо» было представлено 56 собак шести пород.

Сейчас масштабы уже иные, но, к сожалению, в последние годы наблюдается тенденция к некоторому снижению численности собак, участвующих в племенных мероприятиях.

В 2006 г. в Казани 6 августа прошла 73-я Республиканская выставка охотничьих собак. Проводило выставку правление Татохотрыболовобщества совместно с Татарским отделением Российской федерации охотничьего собаководства (РФОС) в соответствии с Правилами проведения выставок охотничьих собак, утвержденными Ассоциацией Росохотрыболовсоюз и пре-

зидиумом РФОС в 1996 году. Комплексная оценка борзых и гончих проводилась по правилам, принятым РФОС, а комплексная оценка лаек, норных, легавых и спаниелей — по правилам 1981—85 гг.

Сохранив замечательные традиции всех предыдущих выставок, нынешняя имела своей целью не только определить качество поголовья охотничьих собак Татарстана и показать достижения охотничьих обществ республики в охотничьем собаководстве и правильной охоте с породистыми охотничьими собаками, но и помочь владельцам собак различных организаций расширить деловые контакты. Для этого выставку сделали открытой, и в ней смогли принять участие собаководы из других регионов. А организаторы выставки и экспертная бригада имели возможность, помимо оценки, выбрать лучших собак, поощрить их владельцев, а также определить лучшее охотничье общество республики в части охотничьего собаководства.

В общей сложности экспертизу на рингах прошли более 200 собак. Представленное поголовье оказалось весьма качественным. Оценку «удовлетворительно» не поставили ни одной собаке, а оценки «отлично» получили 69 собак и «очень хорошо» — 121 собака. Почти половина собак оказались классными, т. е. имеющими полевые дипломы за рабочие качества. Всего классных было 96 собак — это 46,4 % от всех выставленных. Собаки распределены следующим образом: Элита — 18,7 %, I класс — 49 %, II класс — 21,9 %, III класс — 10,4 %.

Полнее всего были представлены ринги лаек и гончих. Интерес охотников к гончим понятен — наиболее популярная охота в республике — на зайцев. Весьма зрелищным был и ринг

борзых, однако практически все собаки приехали из Москвы. Непонятно мало экспонировалось норных, и это несмотря на то, что востребованность собак этих пород, особенно терьеров, у охотников весьма высока. Почти не было островных легавых. Это также не совсем понятно: охотничьи угодья Татарстана позволяют использовать на охоте легавых. Местные охотоведы и кинологи считают, что охоту с легавыми необходимо в республике развивать, ведь на учете в охотобществах легавых числится немало. Так куда же подевались владельцы этих замечательных собак? Почему не пришли на выставку?

К сожалению, игнорирование выставок большинством владельцев собак остается одной из главных проблем не только в Татарстане, но и по всей России. Например, на учете в обществах Татарстана числится порядка 1370 собак, а на выставке присутствовало

200 — это менее чем 1/7 зарегистрированного поголовья.

В целях пропаганды охотничьего собаководства и показа его достижений в рамках выставки прошел своеобразный конкурс. Секция охотничьего собаководства, охотничьи общества, первичные коллективы, центральные секции и бюро Совета экспертов ТО РФОС представили на суд зрителей фотостенды на тему «Охота и охотничьи собаки». Конкурсная комиссия оценила эти работы и представила победителей к наградам.

Девять собак получили звание Чемпионов, они стали победителями по комплексной оценке.

Русская гончая Заграй 9944/01 — вл. А. Соболев;

Жесткошерстный фокстерьер Джаста Би Бой 5770/02 — вл. В. Калягин;

Вельштерьер Пуля 1959/03 — вл. О. Кормишин;

Гладкошерстная такса Абвер 4170/02

— вл. Б. Целовальник;

Немецкий охотничий терьер Гера

4671/05 — вл. В. Филиппов;

Немецкий охотничий терьер Ричард

4092/03 — вл. Л. Х. Латфуллин;

Западносибирская лайка Ивдель

4407/03 — вл. Удмуртский питомник;

Западносибирская лайка Альфа

4057/02 — вл. В. Тихонов.

Чемпионов могло бы быть и больше, но не стало. И не потому, что не было достойных собак, напротив, самые достойные как раз и участвовали. Просто не дают титул Чемпиона, если в ринге меньше трех собак. Так почему из-за нерадивости одного собаковода страдает другой?

Господа охотники! Неужели один раз в году у вас не найдется времени сходить на выставку? Приходите! Не лишайте радости себя, зрителей и коллег-охотников.

«ЦКИБ СОО»

Карабины охотничьи револьверные МЦ502

А. НАЙДЕНОВ, Н. КИСЛИЦЫНА

Анализ процесса развития огнестрельного оружия показывает, что идея создания нарезного оружия с использованием принципа многозарядности всегда привлекала мастеров-оружейников. Они постоянно экспериментировали и вели поиски новых конструкций этого вида оружия. Наиболее простым решением было объединение нескольких нарезных стволов в единый блок. Что и было сделано. Но это привело к увеличению веса оружия и, соответственно, к сложности в эксплуатации. Поэтому творческие поиски более совершенной конструкции продолжались. В результате между 1480 и 1500 гг. в Европе оружейники впервые создают длинноствольное оружие револьверного типа с фитильным замком. Затем следует длительный период поисков и сомнений в разработке револьверного оружия, одновременно накапливался опыт конструирования и эксплуатации этого оружия. В результате в 1870 г. в США фирмой Smith&Wesson создается опытный револьверный карабин. А позже появляется карабин этой же фирмы с отъемным прикладом.

Отдельные недостатки и неотработанность конструкции револьверных карабинов, а также появление магазинного оружия привели к некоторому «застою» в его совершенствовании.

Только в середине XX века фирма Ulrich (Швейцария) создает в единственном экземпляре на базе револьвера Smith&Wesson револьверный карабин. Тогда же появляется карабин Mateba, модель MTRC8 под патрон .38 Special. В производство эти образцы не пошли.

Таким образом, зарубежные фирмы ни мелкими, ни тем более крупными сериями револьверные карабины не изготавливали.

Эту эстафету переняли специалисты-оружейники России, где нарезное длинноствольное оружие изготавливает ряд предприятий: филиал ГУП «КБП» — «ЦКИБ СОО», АО «ТОЗ», ОАО «Ижмаш» и ОАО «Вятско-Полянский машиностроительный завод «Молот».

Особое место среди предприятий занимает ЦКИБ СОО, который разрабатывает и изготавливает элитное оружие высокого класса, владение которым всегда было целью охотников-лю-

Карабин охотничий револьверный МЦ502. Общий вид

Карабин охотничий револьверный МЦ502. Неполная разборка

бителей и промысловиков, коллекционеров и просто ценителей оружия. Неудивительно, что ЦКИБ СОО стал «законодателем мод» в разработке револьверного охотничьего оружия, в том числе карабинов.

Требование многозарядности карабина (9 патронов) при одновременном ограничении веса образца (не более 2,7 кг), а также достаточная мощность патрона определили калибр карабина: 5,6 мм (.22).

Первые работоспособные образцы револьверных карабинов, производство которых уже развернуто, были созданы специалистами ЦКИБа: карабины охотничьи револьверные МЦ502-01 и МЦ502-02 под винтовочные патроны кольцевого воспламенения 5,6 мм, предназначенные для промысловой и любительской охоты на небольших и средних зверей и птиц.

Авторы конструкции — Зеленко Виктор Кириллович, Серегин Владимир Иванович и Серегин Виталий Владимирович.

При стрельбе из карабина МЦ502-01 применяются патроны 22 Long Rifle, а из карабина МЦ502-02 — патроны .22 Win. Mag. R.

Все модели револьверных карабинов семейства МЦ502 аналогичны по конструкции, их приводят в действие усиленным руки. Ударно-спусковой механизм двойного действия обеспечивает стрельбу нажатием на спусковой крючок (с самовзводом) или с предварительным взведением курка. Зарядка барабана (емкость 9 патронов) осуществляется раздельным вкладыванием патронов в патронники барабана. Ствол и патронники барабана хромированы. На карабины могут устанавливаться прицелы различных типов.

Эти карабины довольно просты в эксплуатации.

До заряжания карабина барабан находится в рамке и удерживается фиксатором барабана, и выключатель фиксатора отжат пружиной выключателя фиксатора в заднее положение. Стопор барабана удерживает барабан от вращения, западая в один из пазов на его поверхности.

Карабин охотничий револьверный МЦ502

Курок под действием своей пружины находится в переднем положении, опираясь выступом на рамку, разобщитель и толкатель барабана находятся в нижнем положении, при этом толкатель барабана не взаимодействует с выступами извлекателя. Боек под действием своей пружины отжат в заднее положение и не выступает за зеркало рамки.

Для заряжания карабина необходимо двинуть кнопку фиксатора вперед, откинуть барабан с качалкой влево, вставить патроны в патронники барабана и вернуть барабан в первоначальное положение. Карабин готов к

производству выстрела.

Стрельба из карабинов МЦ502-01 и МЦ502-02 может осуществляться самовзводом и с предварительно взведенного курка (шептала). Устройство и работа составных частей карабинов аналогичны.

Вес карабина не более 2,7 кг, длина ствола с барабаном — 432 мм, усилие на спусковом крючке (при самовзводе) — 5 кгс, дальность стрельбы — 50 м

Франц Егер (1876—1956) — немецкий изобретатель-оружейник

Франц Егер (Franz Jäger) принадлежит к той категории производителей охотничьего оружия, о которой принято говорить «оружейник Божьей милостью».

Ф. Егер родился в Зуле в 1876 г. и по линии матери приходился племянником известному страсбургскому изобретателю Густаву Керстену, который в 1902 г. запатентовал двойное верхнее скрепление, названное его именем. Франц оказался достойным продолжателем фамильной традиции и, по утверждению немецких исследователей, вошел в германскую историю как самый плодовитый изобретатель-оружейник.

С 1900 по 1938 гг. Ф. Егер взял более 30 германских и иностранных патентов на конструкцию и дизайн механизмов и частей охотничьего оружия. Без преувеличения можно сказать, что в Германии не было фабрики, которая не использовала бы в своих ружьях идеи изобретателя. Видимо, не случайно в качестве фабричной марки Егер-предприниматель выбрал логотип «Herold» (Глаштай).

Наиболее известные технические решения, которые и сегодня воспринимаются оружейниками как чудо изобретательской мысли, — это вертикальный затвор для двуствольных и трехствольных ружей (германский патент № 209113 от 1906 года) и отдельный взвод боевой пружины замка, обслуживающего нарезной ствол комбинированных «переломок» (германский патент № 210263 от 1907 года). Ныне ружья с вертикальным затвором Ф. Егера, естественно в модернизированном варианте, делают немецкие фирмы

(патроны «Темп», «Юниор» и .22LR), 100 м (патрон .22 Win. Mag. R), средний поперечник рассеивания пуль — 50 мм (патроны «Темп» и «Юниор») и 100 м (патрон .22 Win. Mag. R).

Гарантийный срок эксплуатации карабинов составляет 2 года. Образцы сертифицированы в России.

Оружейники не остановились на достигнутой конструкции револьверных карабинов и продолжают их совершен-

ствовать. В настоящее время разрабатывается модель с быстросъемным барабаном, что позволит охотнику иметь с собой несколько барабанов, снаряженных, в случае необходимости, различными типами патронов и быстро их заменить.

В заключение можно сказать, что револьверный карабин — это современное оружие, отвечающее требованиям, предъявляемым к оружию данного типа.

Мое ружье: вопрос-ответ Франц Егер

— После Великой Отечественной войны мой отец, ныне покойный, привез из Германии двуствольное ружье очень нарядной внешности. Калибр 16-й, длина стволов 750 мм, вес — 2,9 кг, оба чоки. Фотографии высылаю. На стволах надпись: F. Jäger & Co Suhl, I. Thur. Убедительно прошу рассказать об этой фирме, так как в популярных справочниках кроме упоминания о ней ничего обнаружить не удалось.

С уважением Н. СТРИЖ, Полтава.

Двустволка нашего читателя

Этот логотип встречается на довоенных ружьях фирмы

«Блазер» (см. «Знаменитые ружья Блазер». «Охота и охотничье хозяйство», № 6, 2003 г.) и «Меркель Ягд-унд шпортаффен ГмбХ». Но поистине мировую популярность получило ручное нагнетание пружины УСМ у комбинированного оружия с помощью ползунка, расположенного на хвостовике коробки, на месте традиционной кнопки предохранителя. В настоящее время система Ф. Егера, как наиболее удобная и безопасная, применяется большинством производителей двойников и тройников.

До середины 1930-х годов многие немецкие и бельгийские фабрики выпускали двустволки системы Егера с парой широких параллельных крючков, запирающие стволы осуществлялось только болтом Гринера. Перед Первой мировой войной у немецких производителей охотничьего оружия

пользовался популярностью инерционный односпусковой механизм Ф. Егера для двустволок и тройников с кнопкой переключателя на спусковой личине.

Франц Егер начал работать в Зуле в 1903 г. как кустарь-штучник. Через семь лет мастерская расширилась, появилась возможность выпускать ружья большими партиями. В 1910 году фирма называлась F. Jäger & Co Gewehrfabrik, тогда же она напечатала первый иллюстрированный прейскурант, в котором были представлены 18 моделей гладкоствольного, нарезного и комбинированного оружия. В начале 1930-х на фабрике было занято около 50 человек.

После поражения Германии во Второй мировой войне фабрика Ф. Егера была демонтирована и оружейник, как и в начале карьеры, возвратился к слесарному инструменту, работая в маленькой мастерской на товарищество оружейников «Бюхаг». У большинства наших охотников сохранились именно те ружья великого немецкого изобретателя, которые наряду с надписью «F. Jäger Suhl» несут и клеймо «BUHAG».

Ю. МАСЛОВ

Патроны на зайца и лисицу

М. БЛЮМ

Поскольку большинство охотников охотится на зайцев и лисиц с ружьями 12, 16 и редко 20-го калибров, то о снаряжении именно таких патронов и пойдет речь.

Для стрельбы по зайцу на дальностях 15—20 м следует применять разбросные патроны (большой разброс дроби) с дробью № 5 или № 4. Для стрельбы на 30—40 м применяются патроны стандартного снаряжения с дробью № 4 или № 3, а для стрельбы на дальние расстояния следует применять специально снаряженные дальнобойные патроны с дробью не мельче № 3, но и не крупнее № 1.

Лисиц на норах с близкого расстояния в пределах 5—10 м следует отстреливать разбросными патронами с дробью № 3. При стрельбе лисиц из-под гончих на расстояниях 20—35 м следует применять дробь № 3 или № 2, а с подхода — № 1 или нулевку, но не крупнее четырех нулей.

Все эти рекомендации даны для ружья с кучным резким боем.

Прежде всего следует произвести отбор имеющихся в наличии гильз, обратив особое внимание не только на дефекты корпусов гильз, но и на правильность размеров шляпок гильз, их диаметр и толщину, так как при большой толщине шляпки ружье не закроется, а при малой произойдет осечка. Уменьшенный диаметр шляпки приведет либо к отсутствию экстракции, либо, при открывании ружья, к западанию ее за экстрактор, и тогда придется разбирать ружье. Это же может произойти при уменьшенном диаметре корпуса гильзы у шляпки. Вообще лучше всего все гильзы пропустить через патронники своего ружья, но особенно это важно при снаряжении патронов для ответственных охот.

После того как гильзы отобраны, в них запрессовываются капсулы либо «центробой», либо «жевело» в зависимости от конструкции капсюльного гнезда гильзы. Капсулы «жевело» надежно воспламеняют как дымные, так и бездымные пороха, а капсулы «центробой» хорошо воспламеняет только дымный порох. Для надежного воспламенения бездымных порохов перед запрессовкой в гильзу капсулы «центробой» в капсюльное гнездо подсыпают семь зерен дымного пороха, что усиливает факел огня, воспламеняющего пороховой заряд.

После капсулировки гильз в них засыпают необходимый вес порохового заряда. Для начальной подборки веса снаряда дроби и заряда пороха в патронах с войлочными пыжами следует пользоваться таблицей 1.

Если снаряжение патронов производится в стреляные гильзы, а их дульца в какой-то степени «размочалились», то необходимо окунуть дульце гильзы в расплавленный парафин, а затем быстро протереть. Расплавленный парафин можно заменить насыщенным раствором парафина в бензине или разведенным пополам с водой обычным канторским клеем. Окунув дульце гильзы в разбавленный клей, надо слегка расправить его деревянным конусом, а затем ввести внутрь гильзы цилиндрическую оправку, сделанную по внутреннему диаметру гильзы, разгладить по ней край и, сняв с оправки, поставить просохнуть.

После засыпки порохового заряда в гильзу досылается одна картонная прокладка толщиной не менее 3 мм или две по 1,5 мм из плотного жесткого картона. Затем досылается войлочный осаленный на глубину 2—3 мм пыж высотой в половину калибра. Поскольку на лисиц и зайцев приходится охотиться по большей части при отрицательных температурах, то полиэтиленовый обтюрирующий пыж применять не следует. При необходимости далее досылается неосаленный войлочный пыж, а затем картонная прокладка под дробь диаметром на 0,2—0,4 мм меньше внутреннего диаметра гильзы. Это способствует получению более равномерной дробовой осыпи при выстреле.

Хороший пороховой пыж должен удовлетворять самым разнообразным требованиям: быть достаточно мягким для плавной передачи дроби силы порохового заряда, но и не слишком мягким, чтобы не увеличивать чересчур объема порохового пространства в первый момент горения пороха и тем не ослабить его действия. Он должен быть достаточно плотен, чтобы не пропускать пороховых газов в дробовой снаряд, но и достаточно упруг, чтобы при переходе из гильзы в канал ствола не дать газам прорваться через передний конус.

Хороший пыж при сжатии его между пальцами должен принимать форму бочонка, а не давать сужения в средней части, как это встречается у плохих пыжей.

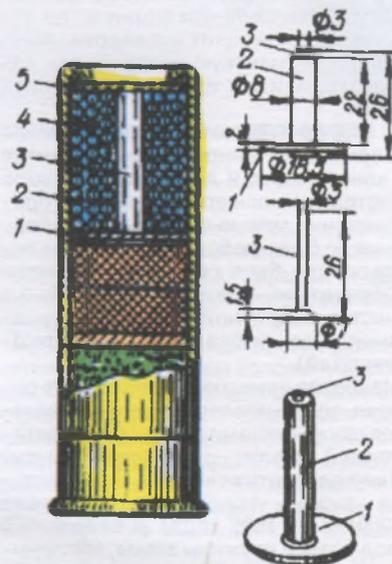
Пороховой пыж должен входить в гильзу плотно, как поршень в насос.

Но вернемся к изготовлению патрона. После засыпки требуемого количества дроби на нее кладется тонкая из рыхлого картона прокладка толщиной порядка 0,8 мм и края гильзы завальцовываются либо запрессовываются «звездочкой». При «звездочке» равномерность дробовой осыпи и кучность лучше.

Это способ снаряжки стандартного патрона для стрельбы на 35 м. Готовый патрон опробовать стрельбой из того ружья, которое будет использоваться на охоте. При неудовлетворительной кучности (см. табл. 2) или резкости боя (глубины проникания дробины в сухую основную доску не менее чем на три ее диаметра) следует начать изменять соотношение веса пороха и дроби, пользуясь следующим правилом. При сильном разбросе дроби нужно уменьшить ее скорость либо за счет уменьшения порохового заряда, либо за счет увеличения веса дроби. При плохой резкости боя следует или увеличить пороховой заряд, или уменьшить вес дроби.

При использовании пороха «Сокол» с древесноволокнистыми пыжами заряд надо увеличить на 0,1 г по сравнению с патроном, имеющим войлочные пыжи, применяя полиэтиленовые пыжи, заряд пороха «Сокол» уменьшить на 0,2 г; так же по отношению к патрону с войлочным пыжом. Поскольку разные марки порохов, в т. ч. бездымных, сильно отличаются по своим характеристикам от одной партии к другой, при снаряжении патронов следует руководствоваться приложенными инструкциями или минимальным зарядом, приведенным в таблице 1.

Достаточную кучность боя на прак-

Схематическое изображение патрона с сердечником: 1 — картонный пыж, служащий основанием сердечника; 2 — картонная коробка сердечника; 3 — металлический алюминиевый стержень с головкой; 4 — дробовой снаряд; 5 — дробовой пыж

тике определяют так. Вырежьте силуэты зайца и лисицы. Затем, взяв, к примеру, разбросный патрон для стрельбы на 15 м, повесьте на этой дистанции мишень с кругом диаметром 75 см и точкой прицеливания в центре диаметром 5 см. После выстрела соответствующим номером дроби для той дичи, на которую вы собираетесь охотиться, наложите на дробовые пробоины силуэт зайца или лисицы. Если 4—5 пробоин в разных местах 75 см круга располагаются на площади силуэта, то это как раз то, что вам надо. Более плотная осыпь будет сильно разбивать тушку, а менее плотная не всегда надежно поразит дичь.

Таким же образом определяют эффективность стрельбы из конкретного ружья на разные дистанции стандартными патронами и патронами для дальней стрельбы, а также покупными.

Разбросные патроны можно снаряжать различными способами. Снижение кучности боя на 35—40 % можно получить с помощью расслоения дроби в снаряде. Для этого засыпают порцию дроби, равную одной четвертой или одной пятой от полного веса дробового снаряда, на основной пороховой войлочный осаленный пыж, на который обязательно следует поместить картонную прокладку, прежде чем начать засыпать дробь. Затем досылаются войлочный пыж толщиной 3 мм и снова дробь. То есть весь дробовой снаряд разделяется на части тонкими войлочными пыжами. После засыпки последней порции дроби на нее помещается картонная прокладка. А края гильзы завальцовываются. Можно дробь разделить и картонными прокладками, но это менее эффективно.

Можно применить и другой способ снаряжения. Перед засыпкой дроби на верхний войлочный пыж ставится сердечник в виде стержня, имеющего круглую картонную пластинку в основании (см. рис.). Вокруг сердечника засыпают дробовой снаряд, а поверх него кладут картонную прокладку с отверстием в центре для выхода и фиксации металлического стержня сердечника и завальцовывают дульце гильзы. Такое устройство обеспечивает разброс дроби на дальностях не более 20 м до круга 90—100 см. Эффект разброса дроби тем больше, чем меньше ее диаметр.

Увеличить разброс дроби можно довольно легко за счет применения тонкого пыжа на порох (вместо плотного картона толщиной 3 мм взять рыхлый картон 0,5—0,7 мм толщиной), толстого на дробь, более крупной дроби и уменьшением снаряда дроби.

Патрон для поражения дичи на расстояниях 40—50 м при стрельбе из ствола с полным чоком снаряжается с контейнером, в котором располагается дробь. Полиэтиленовые пыжи с четырехлепестковым контейнером изготавливаются в заводских условиях. Они повышают кучность боя в среднем на 15 %, обеспечивают стабильный бой

ружья и делают все дробины убойными. Если у вас полиэтиленовые пыжи с концентраторами отсутствуют, то дробь располагается поверх набора пыжей в самодельном контейнере. Самодельный контейнер представляет собой две полиэтиленовые полоски длиной, равной двум высотам дробового снаряда при засыпке его в гильзу, плюс один внутренний диаметр гильзы, а шириной — в одну четверть окружности канала ствола. Толщина полиэтиленовой пленки должна быть в пределах 0,4—0,5 мм. Перед тем как засыпать дробовой снаряд в гильзу, следует вставить крестообразно полиэтиленовые полоски так, чтобы образовался четырехлепестковый контейнер-укупнитель (рубашка), затем засыпать снаряд дроби.

Если же контейнер изготовить не из чего, то дробовой снаряд пересыпают крахмалом (картофельной мукой), тальком, крошкой из пенопласта, костяной мукой или отрубями. На снаряд 12 калибра уходит примерно от 1,5 до 3 г картофельной муки. Чтобы не увеличилось давление в канале ствола при

выстреле таким патроном, необходимо уменьшить вес дроби на величину веса сыпучего наполнителя.

Пересыпание дроби картофельной мукой производится следующим образом. В гильзу помещают около одной трети дробового снаряда, а поверх насыпают немного крахмала и, постукивая навойником по стенкам гильзы, одновременно подсыпают крахмал (при необходимости). Добиваясь того, чтобы мука заполнила промежутки между дробинками и слегка покрыла дробь. Затем то же самое проделывают отдельно с каждой оставшейся третью дроби. После того как дробь вся будет помещена в гильзу, перед закруткой способом «завальцовки» на нее кладут дробовую картонную прокладку из рыхлого картона толщиной не более 1 мм. Естественно, при закрутке краев гильзы способом «звездочка» этого делать не следует. Особое внимание следует обратить на то, чтобы те материалы, которые будут использоваться для пересыпки дроби, были совершенно сухими.

Таблица 1

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ВЕСА СНАРЯДОВ ДРОБИ И ЗАРЯДОВ ПОРОХА С ВОЙЛОЧНЫМ ПЫЖОМ

Тип пороха	Калибр ружья	Вес ружья, кг	Вес дроби, г	Вес пороха, г
Бездымный «Сокол»	12	3,2—3,5	32—35	2,2
		2,8—3,1	30—32	2,1
	16	3,0—3,2	28—32	2,0
		2,7—2,9	27—29	1,8
	20	2,6—3,1	26—31	1,6
		2,4—2,5	24—26	1,5
Бездымный «Сунар»	12	3,2—3,5	32—35	1,7—2,0
	16	3,0—3,2	28—30	1,3—1,5
	20	2,6—3,1	23—25	1,1—1,3
Бездымный «Барс»	12	3,2—3,5	32—35	2,1—2,4
	16	3,0—3,2	28—31	1,7—2,1
	20	2,6—3,1	24—25	1,4—1,8
Бездымный ВУСД	12	3,2—3,5	32	1,6
	16	3,0—3,2	28	1,5
Дымный	12	2,8—3,5	30—35	5,0—5,8
	16	2,7—3,2	27—32	4,5—5,3
	20	2,4—3,1	24—31	3,7—4,8

Примечание. Навески пороха даны для температуры воздуха 20°С

Таблица 2

ПРИМЕНЕНИЕ НА ОХОТЕ ДРОБОВЫХ ПАТРОНОВ В СОЧЕТАНИИ С ГЛАДКИМИ СТВОЛАМИ ОХОТНИЧЬИХ РУЖЕЙ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ КУЧНОСТИ БОЯ

Диаметр дроби, мм	Количество пробоин в круге диаметром 75 см на дальности 35 м	Предел эффективной дальности стрельбы, м	Применение на охоте на основании предела эффективной дальности стрельбы
2,5	100—160	До 32	Для малых дальностей
	161—220	33—39	Для обычных дальностей
	221 и более	40—45	Для больших дальностей
3,0	60—98	До 36	Для малых дальностей
	99—137	37—43	Для обычных дальностей
	138 и более	44—50	Для больших дальностей
3,5	40—66	До 43	Для малых дальностей
	67—93	44—49	Для обычных дальностей
	94 и более	50—55	Для больших дальностей

Для более крупных диаметров дроби следует руководствоваться тем, что в тушку отстреливаемых уток и гусей должно попасть 3—5 дробинок соответствующего диаметра

Русские писатели-охотники

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» открывает новую рубрику «Русские писатели-охотники».

За более чем полувековую историю в журнале были опубликованы тысячи больших и скромных по объему рассказов и очерков, так или иначе связанных с охотой. Однако не поддается исчислению количество литературных произведений, написанных до рождения «Охоты и охотничьего хозяйства» и за последние пятьдесят лет и живущих отдельной, собственной жизнью на страницах многочисленных книг и старых периодических изданий.

Охотничья литература всегда была консервативной, ибо подпитывающая ее охота — древнейший и обязательный вид человеческой деятельности, пошедший на убыль в последние два-три сравнительно сытых столетия, но так и не исчезнувший. И консервативность охотничьей литературы вовсе не умаляет ее достоинств. Любой прогресс в этом жанре — понятие более чем спорное. Глупо утверждать, что автомобили, телевизоры или холодильники 50-х годов прошлого века могут соперничать с современной техникой, но в том, что касается искусства или литературы вообще, и охотничьей литературы в частности, сравнения с техническими достижениями теряют всякий смысл.

Любителю охотничьей беллетристики, помимо собственно литературы, часто хочется что-то узнать и об авторе: кто он, молодой или в годах, чем занимается, откуда родом (не из питерских, часом, или московских?), в каком возрасте взял в руки ружье и охотник ли он вообще? В традиции нашего журнала удовлетворять это естественное любопытство — постоянные читатели заочно знакомы со многими авторами и могут судить, насколько их биографии ладятся или противоречат текстам опубликованных рассказов.

Когда личность автора не вписывается в краткий перечень дат и событий, на помощь приходит очерк. Этого правила журнал придерживается на протяжении всех лет своего существования. Если же несколько подобных очерков написаны одним человеком и объединены общей идеей, то происходит известная философская метаморфоза: количество переходит в качество и вместо разрозненных публикаций появляется целостная картина такого явления, как русская охотничья литература. Характерный тому пример — цикл очерков писателя В. Б. Чернышева «На большаке охотничьей литературы: XX век».

Любопытно, что при составлении этой биографической антологии автор столкнулся с нелегким выбором, когда выявились заметные даже для невооруженного глаза различия между пи-

Михаил Васильевич Булгаков

сателями-охотниками и «охотничьими» писателями. Лауреат Нобелевской премии М. А. Шолохов слыл заядлым охотником, но в мире охотничьей литературы славен лишь сценой волчьей травы в «Тихом Доне». Замечательные писатели Ю. М. Смелъницкий и А. П. Деметьев известны только малотиражными, ненаходимыми сейчас книгами и публикациями в охотничьей периодике. Мастерски владели пером охотники А. Н. Формозов, С. С. Туров, Е. П. Спангенберг, но в официальной иерархии они значатся не писателями, а биологами. А как быть с уникальным охотоведом-самоучкой и таким же самоучкой-писателем Н. А. Зворыкиным?

Открывая рубрику «Русские писатели-охотники», редакция журнала решила, во-первых, не ограничиваться временными пределами, а во-вторых, само название рубрики дает широкую свободу в выборе имен. Скажем, писатели Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Я. Шишков, А. Н. Толстой, Ю. П. Казаков, Ю. М. Нагибин, Г. Н. Троепольский, Г. А. Федосеев и многие другие почти или совсем не публиковали свои произведения в охотничьих изданиях, но все они по праву могут быть зачислены в «писатели-охотники». При свободном толковании этого понятия единомышленниками и соратниками всех российских охотников становятся многие классики отечественной литературы, а их имена помогают словно щитом отгородиться от оголтелой антиохотничьей хулы, набирающей силу на телевидении и в прессе.

Наверное, для рубрики можно было подобрать более яркое и точное название, но выдумать его оказалось не просто. Хотя кое-какие размышления на этот счет были. В далеком 1933 году Максим Горький придумал на дореволюционный манер издавать книги с

жизнеописаниями исторических личностей — «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). Это серия пользуется у читателей неизменным успехом, но применительно к охоте названия «Жизнь замечательных охотников» или «Жизнь охотничьих писателей» звучат претенциозно, а в сокращенном виде не очень благозвучно.

Несколько слов об объеме публикации. Сегодня ритм жизни ускорился до такой степени, что времени на чтение остается все меньше. И вот уже предприимчивые издатели не моргнув глазом втискивают содержание «Войны и мира» в двадцать страниц (для «Ромео и Джульетты» хватило двух). С другой стороны, электронщики, экономя жизненное пространство, «Большую советскую энциклопедию» (33 громадных тома) разместили на крохотном компакт-диске.

В России электронная литература пока что не вытеснила окончательно старую добрую книгу, но «книжных дел мастера» не дремлют и держат нос по ветру. Например, в пику многоречивой серии ЖЗЛ наладили выпуск книг с целой сотней биографий в каждой. Зачем обременять себя покупкой и чтением горы книг, если сразу сто биографий есть под одной обложкой? В результате появились тома под названиями «100 великих полководцев», «100 великих разведчиков», «100 великих украинцев», «100 великих диктаторов» и т. д., вплоть до книг «100 великих любовниц», «100 великих казней» и «100 великих авантюристов». Названия, конечно, коммерческие, спекулятивные, но книги раскупают. Дело не в круглом числе 100, оно может быть каким угодно, дело в том, что в определенном контексте любое число или числительное обретают некий метафизический смысл и магическое притяжение. Достаточно вспомнить названия хотя бы некоторых литературных или иных произведений искусства: «Тысяча и одна ночь», «Двадцать лет спустя», «Один день Ивана Денисовича», «Алибаба и сорок разбойников», «Три богатыря» и т. д. и т. п.

Если речь идет о писателях-охотниках, то словосочетание «100 великих писателей-охотников» выглядит по меньшей мере забавно. Кто их считал, великих писателей-охотников? А вдруг их 113 или, не дай Бог, всего-то 13? Главный вопрос все же в другом — в том, что никогда не будет изобретен прибор, точно определяющий, кто великий, а кто не дотягивает до этого звания. У любого человека «своя колокольня», поэтому выбор и предпочтения каждого всегда будут ущербны и необъективны. Ну что ж, как говорится, таковы издержки жанра, хотя в охотничьей литературе время уже давно отфильтровало «пустую породу от

золотого песка» и расставило точки над «и».

Проблема еще и в том, какую последовательность избрать для публикации материалов о писателях-охотниках. Любая система имеет свои преимущества и недостатки. При алфавитном или хронологическом порядке на дальнем плане могут оказаться значимые

литературные имена, а если применить принцип творческого ранжира, то неизбежно скажется злосчастная человеческая предвзятость. Выход из этого непростого положения неожиданно открылся в самом перечне русских писателей-охотников. Все классификации и системы по счастливому совпадению открываются именем патриарха нашей

охоты и литературы: Аксаков Сергей Тимофеевич. А дальше... дальше пусть будет смешение эпох, поколений, имен и стилей, и эта калейдоскопичность как нельзя лучше покажет все многообразие и прелесть, радость и горечь не только охоты, но и самой российской жизни.

М. БУЛГАКОВ

Сергей Тимофеевич Аксаков

1791-1859

С. Т. Аксаков (1791—1859). Литография с портрета И. Н. Крамского

«...Шилохвостя, шилохвостя-то сколько! — говорил торопливо Евсеич. — Эки стай! А кряковых-то! Батюшки, видимо-невидимо!» — «А слышь ли, — подхватывал мой отец, — ведь это степняги, кроншнепы заливаются! Только больно высоко. А вот сивки играют над озимями точно... туча! Веретенников-то сколько! А турухтанов-то — я уже и не видывал таких стай!»

Полуслепой старик Аксаков страдал глазами, но его редкая зрительная память с легкостью рисовала подробные и яркие картины из далекого детства, и он, глядя на расплывчатый силуэт дочери Веры, склонившейся над письменным столом, часами диктовал о невозвратном, канувшем в Лету...

После революции 1917 года С. Т. Аксакова «записали» в консерваторы и реакционеры и напроць забыли — до середины 1950-х годов не было переиздано ни одной его книги, тиражировалась разве что сказка «Аленький цветочек». В хрущевскую эпоху «лед тронулся», и вышло собрание сочинений в 4-х томах, где Аксаков назван «трудным для осмысления писателем». На самом деле ничего «трудного» в его кристально-чистой прозе нельзя разглядеть даже в увеличительное стекло, вся «трудность» заключалась в идеалистическом мировоззрении Аксакова, но иного и не могло быть. Именно за чистоту помыслов Аксакова высоко ценил Максим Горький (««Семейная хроника» вымыла мне душу»; «Вы почитайте Аксакова «Об уженье рыбы» — заразитесь! Удивительная книга, так знаете написана — Брем позавидовал бы!»), однако так и не приложил усилий, чтобы книги Аксакова были вновь изданы и «вымыли» души советских читателей.

С. Т. Аксаков родился 20 сентября 1891 года в семье чиновника земского суда. Время — екатерининское. Место рождения — провинциальная Уфа. Отец — родовитый дворянин с грошом в кармане, мать (урожд. Зубова) — своенравная губернская красавица с богатой мощной, от ее капризов и фортель доставалось всем окружающим: робкому подкаблучнику мужу, детям и домашней челяди.

Детство Сережи Аксакова прошло в дедовском имении Ново-Аксакова на берегу Бугуруслана. Грибы и ягоды, рыбалка прямо под окном, ловля бабочек и певчих птиц, плавное течение жизни — все рухнуло, когда девятилетнего мальчика увезли в Казань и определили пансионером в гимназию. Потрясение барчука, оторванного от патриархального усадебного уклада, было таким, что он «впал в острое нервное расстройство» и на целый год его опять водворили в родное гнездо.

В 1805 году в Казани был открыт университет, и Сергей Аксаков в 13 лет стал студентом. На пару с приятелем И. И. Панаевым (будущим отцом издателя «Современника») он издает рукописный журнал, но уже через два года уезжает в Москву, а затем в Петербург, где поступает на должность переводчика в Комиссию по составлению законов. В семнадцать лет! Удивительно, что все свои книги Аксаков напишет сплошь русскими словами, словно ему были неведомы иностранные языки. В 1811-м Аксакову наскучили переводы, и он, вернувшись в Москву, окупнулся в театральную и литературную богему, где задавали тон А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, А. И. Писарев, актеры М. С. Щепкин и С. Ф. Мочалов.

Есть в жизни С. Т. Аксакова странное обстоятельство, не нашедшее внятно объяснения ни в воспоминаниях самого писателя, ни в комментариях его биографов. Во время войны с французами он вдруг уезжает в оренбургскую глухомань на долгие пятнадцать лет и в столицах появляется лишь наездами, чтобы поддерживать старые культурные связи, по большей части в среде, которую позже окрестили «реакционной», — декабристов в ней не водилось. А. С. Пушкин эту публику не жаловал и писал на нее ядовитые эпиграммы:

*Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков...*

С этими «угрюмыми певцами» и водил дружбу Сергей Аксаков, но одновременно благоговел перед гением Пушкина.

За годы «сидения под Оренбургом» Аксаков женился на дочери суворовского генерала, получил от отца часть имения, но все попытки создать образцовое помещичье хозяйство закончились крахом. Денег не хватало, а семейное росло как на дрожжах — всего у С. Т. Аксакова и его жены народилось 14 (!) детей.

С помощью давнего знакомого — министра просвещения А. С. Шишкова — Сергей Тимофеевич определился на службу в Московский цензурный комитет, но после скандала (не без участия самого Николая I) неблагонадежному чиновнику Аксакову с цензурой пришлось расстаться.

Государственная служба никогда не манила Аксакова, но давала возможность достойного существования. В течение трех лет (1835—1838) он ревностно исполнял обязанности директо-

ра вновь образованного Межевого Константиновского института (на короткое время даже привлек В. Г. Белинского преподавать русский язык), но получив наследство после смерти отца, навсегда оставил службу и зажил свободной жизнью. Охота, рыбалка, театр, литература — отныне главный круг интересов Аксакова, а общественные интересы его почти не занимали. Московский дом Сергея Тимофеевича, а с 1843 года и абрамцевская усадьба на берегу Вори, стали средоточием культурной жизни и славянофильства, хотя сам глава семейства не всегда разделял радикальные взгляды своих сыновей, их соратников и противников. Однако за Н. В. Гоголя сражался насмерть, ограждая его от «тлетворного» влияния «западника» В. Г. Белинского. Чаще же всего вместо горячих споров мудрый старик предлагал раскинуть на столе свежую колоду карт и увлекаться игрой до неприличия страстно.

В Абрамцеве Аксаков впервые обратился к воспоминаниям из детства и написал первую главу «Семейной хроники», здесь же он диктовал «Записки об уженье» — «для освежения памяти и для собственной удовольствия». Эта книга, свободная от «мелочных, своекорыстных хлопот», получила неожиданное признание у современников и подвинула автора к работе над ее продолжением, правда, уже не о рыбалке, а об охоте. Охота того стоила. Когда мальчик Сережа Аксаков первым же выстрелом сразил ворону, а на следующий день утку и двух куликов, удочка, ловчий ястреб и перепелиные дудочки с сетями вмиг были забыты — юный охотник не расставался с ружьем целыми днями, а ночами продолжал грезить охотой. Во время весеннего пролета птиц он ничего не мог видеть и слышать, — только хватал отца за рукав и бессвязно лепетал. Мать поначалу жутко сердилась, требовала выбросить из головы блажь и забыть про куликов и уток, но все-таки разглядела в глазах сына нечто такое, что заставило ее отступить.

Еще в детстве Аксаков проштудировал немецкое руководство «Совершенный егер». На русский язык книгу перевел известный писатель Василий Левшин, но опростоволосился и место издания — город Веймар — принял за фамилию автора. Книга эта почти средневековая, полуфантастическая, но недоросль Сережа Аксаков все равно выучил наизусть описание птиц и взялся вести собственные охотничьи записки в тетрадах из толстой синей бумаги. Спустил почти полвека, случайно наткнувшись на свои детские дневники, Аксаков задумался. Охотничьи утехи остались в прошлом, о рыбной ловле он уже рассказывал все, что знал. И тут в одном из номеров журнала «Современник» за 1847 год он обнаружил рассказ И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» с подзаголовком «Записки охотника». Вскоре он уже делится своим новым замыслом с Н. В. Гоголем: «Если... я проведу эту зиму в деревне, то начну

писать другую книгу — «Об охоте с ружьем». С двенадцатилетнего возраста до тридцатилетнего я был предан охоте страстно, безумно...»

Домашнее чтение отрывков из будущей книги и одобрение слушателей укрепили Аксакова в желании довести задуманное до конца, но работа спорилась не всегда — на рукопись ушло три года. Сомнения и недовольство написанным беспрестанно одолевали Сергея Тимофеевича, он боится «как огня, стариковской болтливости», делится с сыном Иваном своими опасениями: «Я написал «Гуся» и «Лебедя». Гоголь то и другое очень хвалит, но я недоволен; впрочем, я надеюсь исправить». В другом письме: «Я не могу найти приличного тона, не могу с точностью назначить себе границы; все, что я написал до сих пор, мне не нравится».

Иван отвечал отцу, что его «просто выражений без лиризма доводит производимое впечатление до лиризма». Но более всего пробуждению литературного таланта в Аксакове способствовал Н. В. Гоголь. Наслушавшись устных рассказов старого охотника, он буквально упрасивал и «подстрекал» его взяться за перо. В одном из писем 1851 года Гоголь, работавший над вторым томом «Мертвых душ», пишет своему старшему другу: «Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своих птиц, а я приготовлю вам души. Пожелайте только, чтобы они были живы так же, как живы ваши птицы».

«Записки охотника Оренбургской губернии» вышли в начале 1852 года хронологически опередив на шесть месяцев появление «Записок охотника» Тургенева, но Иван Сергеевич, не испытывая приступов ревности, откликнулся в печати одним из первых и, конечно, посодествовал триумфу С. Т. Аксакова: «Такой книги у нас еще не бывало», «Если бы тетерев мог рассказать о себе, он бы, я уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал Аксаков»; «Критиковать нечего или почти нечего».

Книга разошлась с беспрецедентной быстротой, и уже в сентябре 1852 года Аксаков готовит второе издание. Новые похвалы от Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, П. А. Вяземского, еще одна восторженная рецензия И. С. Тургенева в «Современнике», П. В. Анненков пишет о «сладостной русской речи» С. Т. Аксакова. Старик смущен и счастлив. В ответ на просьбы раскрыть «секрет» литературной удачи, ссылается на Бога, собственную искренность и добрые помыслы: «Никогда вероятных предложений я не выдаю за факты и чего не видел своими глазами, того не утверждаю»; «...горячая любовь к природе и живым творениям, населяющим божий мир, не остывала в душе моей, и через пятьдесят лет, обогащенный опытами охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство, и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик».

Парадоксальность аксаковских «Записок» в том, что ее страницы, пронизанные любовью к животным, написаны охотником. Похоже, что Аксакову все же удалось найти «приличный тон», облечь в простую, но по-настоящему художественную форму незамысловатые по сути наблюдения над окружающим миром, превратить описания природы в пейзажную живопись, не масляную, а скорее графическую, почти штриховую. Ошибаются те, кто в видимой простоте аксаковских картин не замечают искусства и не чувствуют в маленьких новеллах о птицах своеобразного поэтического ритма. Сам Аксаков отстраненно говорит об авторе «Записок» так: *«Это литератор, прикидывающийся простяком»*. Что правда, то правда: родной язык он знал превосходно и умело им пользовался, избегая литературных завитушек, риторичности и морализаторства. Совсем не случайно книгу Аксакова об охоте долгое время рекомендовали студентам университетов как на естественно-научных, так и на факультетах словесности.

Полтора века тому назад во взаимоотношениях человека и природы острый проблем не существовало (за вычетом землетрясений, наводнений и других катаклизмов), тем интереснее узнать, что звери и птицы для Аксакова были не столько мишенью для выстрела, сколько объектом для познания мира. Вот как трактовал философию своей страсти сам писатель: *«Рыбная ловля и охота воспитывают в человеке благородные чувства, закаляют его волю, характер, сближают людей не только с природой, но и между собой и, таким образом, способствуют некоему духовному оздоровлению общества»*. Заявление для сегодняшних моралистов более чем сомнительное, но во времена Аксакова оно никаких споров не вызывало.

Если сегодня, не взглянув на обложку подвернувшейся под руку современной книги, раскрыть ее на любой странице и попытаться назвать имя автора, задача окажется невыполнимой. Иное дело — проза Аксакова. Ее язык, стилистические особенности проступают в каждой фразе, и спутать их с почерком другого мастера невозможно. Произведения, подобные аксаковским, уже никогда и никем не будут написаны, — навсегда утрачено мироощущение человека, когда он чувствовал себя неотъемлемой и нечужеродной частью мироздания, умер самый язык равноправного общения с природой. Но в XIX веке влияние аксаковской литературной эстетики было велико, и появилась целая плеяда его последователей. Г. П. Данилевский, автор исторических романов, прочитав «Записки охотника», писал их автору: «Мой взгляд на природу, которую я так страстно любил, изменился вследствие чтения Вашей книги; вместо сухих, хотя ярких картин, теперь я вижу в ней еще движение, смысл, слышу биение сердца этих токующих в сумраке и благоухании лесов, этих влажных топей, над кото-

рыми взлетывают ваши кулички и вальдшнепы».

Наряду с Тургеневым, Сергей Тимофеевич Аксаков стал родоначальником своеобразного жанра, получившего название «Охотничья литература». Перефразируя известные слова о том, что все русские писатели вышли из гоголевской «Шинели», можно утверждать, что все охотничьи писатели вышли из охотничьих «Записок» Тургенева и Аксакова. Этот жанр после появления «Записок» Е. Э. Дрянского, А. А. Черкасова, П. М. Мачеварианова, И. Г. Шведова и других писателей-охотников стал классическим. История отдала дань и самим основателям жанра: Тургенева назвали «первым охотником России», а Аксакова — «патриархом русской охоты».

Окрыленный успехом «Записок», Аксаков задумывает издание ежегодного альманаха «Охотничий сборник» и приглашает к участию в нем Тургенева и других литераторов-охотников. Откуда идеалисту Аксакову было знать, что еще со времен его цензурства печально знаменитое III Отделение завело на него крамольное досье? Ходатайство об издании «Охотничьего сборника» дошло до Николая I, но все решил отзыв Л. В. Дубельта об Аксакове: «Едва ли ему можно позволить издание какого бы то ни было журнала».

Отгородившись от внешнего мира, даже от Москвы, пятидесятиверстным «редутом», Сергей Тимофеевич довольствовался прелестями усадебной жизни в Абрамцеве и теми счастливыми для всякого художника мгновениями, когда зыбкие, неясные образы и мысли обретают осязаемую, материальную форму. Аксаков читает многочисленным гостям новые главы «Семейной хроники», радуется и в то же время не вполне доверяет похвалам. По словам Аксакова, его «авторская тайна» была в правдивости: *«Заменить... действительность вымыслом я не в состоянии. Я пробовал несколько раз писать вымышленное происшествие и вымышленных людей. Выходила совершенная дрянь, и мне самому становилось смешно»*. В этом слабость и сильная сторона Аксакова-художника, он и сам хорошо понимал неполноту своего таланта, зато его тексты лишены фальшивой экзотики и вычурности. Увы, в пристальном разглядывании помещичьего быта Аксаков стал предтечей не только романтистов-романтиков, но и таких занудливых и чрезвычайно плодovitых бытописателей, как А. К. Шеллер-Михайлов или П. Д. Бобрышкин.

Борьщенный человек, Аксаков был хорошо знаком с мыслями теоретика искусства Фридриха Шеллинга о своеобразном творчестве. Сергей Тимофеевич вполне разделял мнение Шеллинга о том, что дело художника изображать те или иные явления жизни, а не оценивать их, а потому, работая над «Семейной хроникой», с удовольствием извлекал изкладовых своей памяти давние истории и случаи, в том числе и охотничьи. Эти истории постепенно ко-

пились и составили новую книгу «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах». Открывалась она словами: *«Охота, охотник! Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принято, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?»* Эта книга вышла в 1855 году, а сейчас охотников никто не уважает ни «в целом народе», ни «в целом мире», но «Рассказы и воспоминания...» — вовсе не руководство или наставление для охоты, это — свободное художественное повествование с элементами почти деловой прозы. Кроме того, сам писатель однажды назвал человека «заклятым и торжествующим изменителем природы», но охотника никогда таким не считал и требовал к нему если не любви, то хотя бы снисхождения.

Н. Г. Чернышевский не был охотником, но включился в общий хор, славящий Аксакова: «Глупые тетерева, утки, дупели, вальдшнепы, гаршнепы и им подобные и не подозревают, что судьба наделила их таким историком, как Аксаков, не подозревают, что в описаниях г. Аксакова они лучше, красивее и вкуснее, нежели на самом деле. Как-нибудь дрянной ястреб, способный напугать одних воробьев, доставляет нам столько удовольствий, и все потому, что его описывает Аксаков». Зубоскальство по поводу «глупого вальдшнепа» и «дрянного ястреба» выдает в Чернышевском именно неохотника, то есть человека злого, высокомерного и бестактного.

«Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» составили своеобразную трилогию, новаторскую по содержанию и форме, но этими книгами аксаковское «охотничье» наследие не исчерпывается. Охоте посвящены отдельные очерки, статьи, стихи, фрагменты писем и незаконченных рассказов. Охотничьи сцены и зарисовками прелят первые главы эпопеи «Детские годы Багрова-внука».

С большим энтузиазмом писатель встретил появление в 1858 году первого в России «Журнала охоты» и принял в нем посильное участие. Вот только сил оставалось совсем не много — 30 апреля 1859 года Сергей Тимофеевич навсегда ушел в страну «вечной охоты», оставив добрые и светлые заветы: *«На зеленом, цветущем берегу, над темной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокора, кудрявой олхи... улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои: вы услышите ее голос... Неприметно, мало-помалу рассеется это неудовольствие собою, эта презрительная недобровольность к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века...»*

Лучше не скажешь! Воистину, время течет, но человек не изменится.

М. БУЛГАКОВ

Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах

С. Т. АКСАКОВ

Охота, охотник!.. что такое слышно в звуках этих слов? что таится обязательного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. «Ну, это уж его охота, уж он охотник», говорят, желая оправдать или объяснить — почему так неблагоприятно или так странно поступает такой-то человек в таком-то случае... и объяснение всем понятно, всех удовлетворяет! Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитанием, возбуждается примером окружающих; но мы часто видим, что сыновья, выросшие в доме отца-охотника, не имеют никаких охотничьих склонностей, и что, напротив, дети людей ученых, деловых *ex professo*, никогда не слышавшие разговоров об охоте, — делаются с самых детских лет страстными охотниками. Итак, расположение к охоте некоторых людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не что иное, как врожденная склонность, бессознательное увлечение. Такая мысль всего убедительнее подтверждается, по моему мнению, наблюдениями над деревенскими мальчиками. Сколько раз случалось мне замечать, что многие из них не пройдут мимо кошки или собаки, не толкнув ее ногой, не лукнув в нее камнем или палкой, тогда как другие, напротив, защищают бедное животное от обид товарищей, чувствуют безотчетную радость, лаская его, разделяя с ним скудный обед или ужин: из этих мальчиков непременно выйдут охотники до какой-нибудь охоты. Один, услышав охотничий рог или лай гончих, вздрагивает, изменяется в лице, весь превращается в слух, тогда как другие остаются равнодушны, — это будущий псовый охотник. Один, услышав близкий ружейный выстрел, бросается на него, как горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своих товарищей, — это будущий стрелок. Один кладет приваду из мякны, ставит волосяные силья или настораживает корыто и караулит воробьев, лежа где-нибудь за углом, босой в одной рубашонке, дрожа от дождя и холода, — это будущий птицелов и зверолов. Других мальчиков не заставишь и за пряники это делать. Чем объяснить такие противоположные явления, как не врожденным влечением к охоте? Обратив внимание на зрелый возраст крестьян, мы увидим то же. Положим, что между людьми, живущими в праздности и довольстве, ребячи фантазии и склонности, часто порождаемые желанием подражать большим людям, могут

П. П. Соколов. Охотник с собакой

впоследствии развиться, могут обратиться в страсть к охоте в года зрелого возраста; но мы найдем между крестьянами, и всего чаще между небогатыми, которым некогда фантазировать, некому подражать, — страстных, безумных охотников: я знавал их много на своем веку. Кто заставляет, в осенние дожди и слякоть, таскаться с ружьем (иногда очень не молодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу, или пользуясь полдненным отдыхом, в палящий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, без сомнения, одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно.

Оттенки охотников весьма разнообразны, как и сама природа человеческая. Некоторые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно к одной охоте, любят, однако, хотя не так горячо, и прочие роды охот. Другие охотники, переходя с детских лет постепенно от одной охоты к другой, предпочитают всегда последнюю всем предыдущим; но совершенно оставляя прежние охоты, они сохраняют теплое и благодарное воспоминание о них, в свое время доставлявших им много наслаждений. Есть, напротив, третий разряд охотников *исключительных*: они с детства до конца дней, постепенно и страстно, любят какую-нибудь *одну* охоту, и не только равнодушны к другим, но даже питают к ним отвращение

и какую-то ненависть. Наконец, есть охотники четвертого разбора: охотники до всех охот без исключения, готовые заниматься всеми ими вдруг, в один и тот же день и час. Такие охотники в настоящем, строгом смысле слова — ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дела они не бывают. По большей части они делаются добрыми товарищами других охотников.

Не разбирая преимуществ одного рода охотников перед другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду охотников. В ребячестве начал я с ловли воробьев и голубей на их ночевках. Несмотря на всю ничтожность такой детской забавы, воспоминание о ней так живо в моей памяти, что, признаюсь, и на шестьдесят четвертом году моей жизни не могу равнодушно слышать особенного, торопливого чирканья воробья, когда он, при заходе солнца, скачет взад и вперед, перепархивает около места своего ночлега, как будто прощаясь с Божьим днем и светом, как будто перекликаясь с товарищами, — и вдруг нырнет под застреху или желоб, в щель соломенной крыши или в дупло старого дерева. От ловли воробьев на ночевках перешел я к ловле других мелких птичек волосяными сильями, натканными в лубок; к ловле конопляными немолоченными снопами, опутанными веревочкой с сильями, и наконец к ловле разными *лучками* из сетки. Потом пристрастился я к травле перепелов ястребами и к ловле перепелок сетью на дудки. Все это, на некоторое время, заменила удочка; но в свою очередь и она была совершенно заменена ружьем. Единовластное владычество

ружья продолжалось половину моего века, тридцать лет; потом снова появилась на сцене удочка, — и наконец старость, а более слабость зрения, хворость и леность окончательно сделали из меня исключительно рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное воспоминание обо всех прежних моих охотах, и мои статьи о них служат тому доказательством.

Все охоты, о которых я упоминал: с ружьем, с борзыми собаками, с ястребами и соколами, с тенетами и капканами за зверьями, с сетями, остроугой и удочкой за рыбою, и даже с *поставушками*, за мелкими зверками — имеют своим основанием ловлю, добычу; но есть охоты, так сказать, бескорыстные, которые вознаграждаются только удовольствием: слушать и видеть, кормить и разводить известные породы птиц и даже животных; такова, например, охота до певчих птиц и до голубей. Первые, по крайней мере, веселят слух охотников пением; но вторые и этого удовольствия доставить не могут; иногда только услышишь их голос, то есть глухое воркованье. Но я знавал страстных охотников до голубей всех возможных пород: бормотунов, дувохлых, турманов, мохноногих горлиц и египетских голубей. Эти охотники проводили целые дни на голубятне, особенно любясь на голубей мохноно-

гих, у которых мохры, то есть перья, выросшие из ног, до трех вершков длиною, торчали со всех сторон и даже мешали им ходить. Теперь редко встретишь охотников до этих сортов голубей; но в городах и столицах еще водятся охотники до голубей *чистых* или *гонных*, особенно до турманов, гоньба которых имеет свою красоту. Быстро носясь кругами на высоте, стая гонных или чистых голубей то блестит на солнце яркой белизной, то мелькает темными пятнами, когда залетит за облако, застывающее стаю от солнечных лучей. Турманы имеют особенное свойство: посреди быстрого полета вдруг свертывать свои крылья и падать вниз, перевортываясь беспрестанно, как птица, застреленная высоко на лету: кувыркаясь таким образом, может быть сажен десять, турман мгновенно расправляет свои легкие крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такие проделки очень живописны. Всякий посмотрит несколько минут с удовольствием на эту живую картину; но охотники с увлечением смотрят на нее по нескольку часов сряду, не давая садиться усталым голубям на родимую крышу их голубятни.

Содержание не-певчих птиц и даже некоторых из пород дичи в больших клетках или садках имеет уже особого

рода прелесть, которая может быть понятна только людям, имеющим склонность к наблюдениям над живыми творениями природы: это уже любознательность.

Несмотря на увлечение, с которым я всегда предавался разного рода охотам, склонность к наблюдению нравов птиц, зверей и рыб никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворения любопытства, — жертвовать добычею, что для горячего охотника не шутка.

Воспоминание обо всем этом доставляет мне теперь живейшее наслаждение, и поделиться моими воспоминаниями с охотниками всех родов — сделалось моим постоянным желанием. Может быть, мой пример возбudit и в других такое же желание. Сколько есть опытных охотников на Руси, круг действий которых был несравненно обширнее моего! Сколько любопытных сведений и наблюдений могли бы сообщить они! Кроме того, что издание таких сведений и наблюдений составило бы утешительное, отрадное чтение для охотников, оно было бы полезно для естественных наук. Только из специальных знаний людей, практически изучивших свое дело, могут быть заимствованы живые подробности, недоступные для кабинетного ученого.

ООО «СНЕЖНЫЙ БАРС»

Закупает пушно-меховое сырье
Куница, белка, соболь, горностаи, колонок, рысь,
росомаха, ондатра, шкуры морских зверей
Изготавливаем и продаем шубы, пальто,
головные уборы. Салон «Интермех»
М. Электрозаводская, Барабанный пер., д. 4.
Т. 8 (495)963-51-31, fax. 964-25-83,
с. 8(495)784-40-53

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

КМ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Восьмой заяц

Игорь АЛЁХИН

Выпал снег. Прямо на черные январские пашни, которые незадолго до этого затвердели от мороза, на скрючившиеся в мольбе о белом покрывале озимые, на потемневшие строения станиц, на желтизну тростниковых балок и развороченных с краев скирд осенней соломы.

Эта зима будет очень снежной и очень морозной для Кубани, но тогда, в январский зазимок, никто об этом, конечно, не знал. Первый снег был достаточно велик, чтобы укрыть замерзающие посевы, но на пашнях рябило в глазах от тысяч маленьких Монбланов, Эверестов и Эльбрусов, упрямо вставших из белого песка.

В тот день я не спешил на охоту, хотя хорошо знал, что разливающаяся за окном позолоченная солнцем синь погожего зимнего дня многих застала уже в поле. Большинство тех, кто уже в поле, были моложе и азартнее меня, и, возможно, я немного завидовал им. Однако ни молодость, ни тот быллой азарт мой вернуть не было никакой возможности, и, чтобы не слишком страдать от этого, я успокаивал себя тем, что они не исчезли, а просто трансформировались в опыт и покой. Опыт подсказывал мне, что добыть одного зайца в такой чудный день особенно труда не составит, и эта уверенность рождала покой.

Я вышел во двор уже одетым в охотничий костюм и сапоги, с ружьем и патронташем в руках, предвкушая маленькую радость — увидеть реакцию собаки на мое появление в таком облачении.

Рой всегда внимательно следил, в какой одежде я выхожу из дома. Он слышал, как открывается дверь в дом, потом — дверь прихожей, и, напряжен-

но замерев и склонив набок усатую породатую голову, не отрываясь смотрел на угол стены, из-за которой я должен был появиться. Я все это видел, очень осторожно и незаметно выглядывая одним глазом. А потом делал шаг и враз показывался собаке. Камуфляж и сапоги действовали на дратхаара, как удар током. Одну секунду он находился в столбняке, пока зрительная информация об обрушившемся счастье проходила от полубезумных желтых глаз в мозг, а затем взвивался вертикально, коричнево-седой, огромный, сухой, чистый, в завитушках роскошной шерсти, и, стоя на задних лапах, молотил воздух передними, а потом ставил их на вольерную сетку как раз на уровне моих плеч. С крупной сетки-рабицы слетала легкая опушь инея. Пес натягивал уши назад, нервно зевая, и басовито орал. Когда я откидывал заборы калитки, он скакал в вольере козлом и одновременно извивался, как рыба. Выскочив во двор, он безостановочно исполнял вокруг меня буйный танец безумного восторга — я знал, что никакими окриками его не уговорить. Дав кабелю побесноваться пару минут, я открыл дверь машины, Рой прыжком взлетел на застеленное плащом переднее сиденье и замер на нем, словно сфинкс. Этот переход от буйного восторженного движения к абсолютной неподвижности был поразителен. А ведь чтобы добиться от собаки понимания запрета ставить лапы на все, что не было открыто плащом, потребовалось один раз шлепнуть рукой по лапе и строго сказать: «Нельзя!» И все! Больше ничего. Пес сразу понял, что в машине за плащ заступать запрещено. Вот она — немецкая кровь... Величайшая, непонятная большинству русских

людей любовь германской расы к порядку, поставленная в основу жизненного уклада, прочно была привита собаке — и я не стыдился благоговеть и даже преклоняться перед этой беззаветной преданностью и готовностью следовать раз и навсегда установленным правилам.

Мелькнули улицы, фигуры людей — кто-то улыбаясь показывал ребенку на Роя, серьезно глядящего в ветровое стекло машины, — и вот уже вокруг белоснежные поля и лиловые от инея лесополосы. Вороны сидели вдоль дорог, и кое-где прямо из-под колес убежали деловитые жаворонки. На дорожной развязке птиц было очень много, на заснеженном асфальте рассыпал желтеющего зерна — видимо, рассыпалось из поворачивающего на большой скорости грузовика, — и моя машина, разметав стаю, вызвала большой взрыв мелькающих за окнами черных крыльев. Воронье негодование осталось позади, и вот уже нам направо, прочь с большой дороги — прямая полоса не разбитого редкими машинами снега на двухкилометровом шоссе, а в конце его — темнеющие в белой мгле домики маленького хутора. Солнце всходило слева, оно еще не растопило снежное чудо на огромных тополях на окраине, и мы так и въехали в их сказочно высокую белую аллею. Она была почти совершенно белой — потому что даже стволы деревьев метра на полтора от снежного пола еще с осени были выбелены известью. В кронах перелетали редкие вороны, сыпля наземь неспешно падавшую кухту.

Хутор скоро кончился, и я остановил машину, прижав ее к левой стенке аллеи. Под снегом у подножия тополей хрустели замерзшие листья. Аллея убе-

гала дальше, к совхозной ферме, но я не поехал туда, потому что слева от тополиной аллеи уже начиналась охота — там в снежно-земляных вывертах лежала старая знакомая пашня, очень многообещающая, заманчивая. Я знал, что на этой пашне, если по ней сегодня еще никто не успел пройти, велика вероятность сразу, в первые минуты охоты, поднять и добыть зайца — русаки любят ложиться вот в таких, казалось бы, напрочь истоптанных хуторскими собаками местах, а это поле подобное доказывало не раз. И даже если и пробежал по нему с утра какой-нибудь торопыга охотник, зайти в гости на пашню все же стоило.

Все-таки это пашня — заяц на ней лежит порой так крепко, что хоть ногой выковыривай. И если пойти «на принцип», то добыть русачишку здесь можно практически наверняка — лишь бы был входной след, и тогда «нога за ногу» за полдня не оставишь длинноухому шанса отлежаться за кочкой. Но для этого нужны терпение и внимательность да еще способность потратить вот такой чудный, с бело-голубым холодным простором день на тотальное прочесывание единственного поля.

Я себе сегодня такое позволить не мог и отвел на «проверку» перспективного места самое большое время. Окрестные поля на многие километры были изучены мною лучше, чем какое-либо другое место на Земле, потому что это была страна моего детства — сюда приходил я многие десятки раз, приходил пешком от самого дома, который был тогда всего-то километрах в пяти от еще молодой тополиной аллеи.

Дав собаке поваляться в снегу и зарядив тульскую газоотводку четырьмя патронами, я легко и упруго, как ползает только в самом начале охоты, когда силы совсем не растрacены, прыгнул на первые железные выверты чернозема, торчащие из снега заиндевелыми зубьями. Рой понесся было своим мощным галопом, но тут же сбавил темп — невозможно было бежать по этой вздыбленной и твердой от мороза земле, то и дело спотыкаясь и оступаясь. Я тоже вынужден был идти, беспрерывно кивая вверх-вниз головой: взгляд под ноги — куда поставить ступню, тут же мгновенно обшариваешь глазами поле впереди — не вымахнул ли зайчина серой молнией, — и снова взгляд вниз, и опять по сторонам.

Рой совсем сбавил ход — он очень не любил такую сложную тропу и, не зная удержу в камыше и высоких бурьянах, перед глубокой пашней неожиданно быстро пасовал, начинал часто оглядываться на меня, как бы спрашивая: сколько еще этой беды впереди, — не уходил дальше двадцати шагов или, наоборот, наметив себе какой-то ориентир, устремлялся напрямик вдаль, стараясь, очевидно, скорее покончить с ненавистой ноголомкой. Глубокая пашня была для него Голгофой, на ней он быстро утрачивал свой неуемный азарт и из охотничьего пса превращался в очень крупную дворнягу, отбыва-

ющую неприятную повинность в виде ходьбы по очень неудобной поверхности. Но я не корил пса за эту слабость. Было в его беспомощности перед вздыбленной плугом землей что-то опять-таки от привитой намертво привычки к порядку и дисциплине, сродни тем, что мешали македонской фаланге эффективно действовать на пересеченной местности. На глубокой, «утробистой» пашне он просто был «не в своей тарелке». Без страха и упрёка лез в резучий камыш и колючий терновник, но скучнел на глазах, стоило зайти на крупно нарезанное лемехом поле.

На этой пашне я сразу сделал ошибку: просто бездумно полез к середине, нахраписто, весело прыгая с кочки на кочку и оглядывая снежный простор вокруг.

Потом, когда сразу же пришлось оттянуть воротник свитера, открывая доступ холодного воздуха к разогревшемуся телу, сообразил, что можно вести себя умнее, и повернул вправо.

Примерно треть большого поля занимал люцерновый клин, дураку было понятно, что заяц, если он тут был хотя бы один, пойдет на лежку с люцерны в пашню. Это было элементарно, другого варианта быть не могло — разве что только заяц, пожоровав на люцерне, там и останется. Такое тоже случается, но все же шансов на то, что он выберет пашню, было намного больше.

Я прекрасно знал это, но полез сразу на эти выверты бездумно, как молодой, неопытный и горячий охотник: если заяц лежит в пашне, там его и надо искать!

Но через десять минут до меня наконец дошло, что умнее не ломать ноги на кочках, а пройти краем люцернового клина и поглядеть, где скинется зайчик на пашню, — тогда и тропить его. Идти-то по травяному ковру, пусть и покрытому слоем снега, намного приятнее и легче, нежели по каменной твердости глыбам земли. Может, и нет тут никакого зайца — так хоть ноги целей будут.

Белое полотно люцерновой полосы с торчащими из-под снега стебельками было уже совсем близко, каких-нибудь десять шагов, и Рой уже вылетел на него и пружинисто зачелночил, завилял обрубком хвоста, высоконогий, с мощной глубокой грудью, с заледенелой сосульками «бородой» на вислоухой морде, — когда я увидел зачий след.

Он шел с люцерны напрямик в пашню и был очень свеж. След, конечно, оставлен русаком сегодняшней ночью, под самое утро, и несомненно был следом, ведущим на лежку. Ситуация вырисовывалась просто классическая: заяц с кормового поля направлялся в пашню на дневку. Все выглядело настолько просто и ясно, что я пожал плечами: ну что, мол, — все понятно! Оставалось классически протропить малик, учитывая все зачьи хитрости, которые мне были хорошо известны, все до единой, уже много лет — еще до того, как я добыл своего первого зайца, а теперь уж и подавно! — вовремя

заметить вскочившего русака и метко выстрелить.

Я оглянулся. Недалеко, на краю поля, под покрытыми пушистым инеем топами стояла моя машина. Вверху голубел чистейший небосвод, поднявшееся на четверть солнце слепило глаза, а здесь, возможно совсем близко от меня, лежал в ямке за одним из этих заснеженных вывертов чернозема рыже-серый теплый заяц, прижавший чуткие уши и напружинивший перед прыжком сильные лапы. Ему, наверно, тоже совсем не хотелось бежать по кочкастой твердой, как камень, земле. Поэтому он подпустит меня очень близко и вымахнет рядом, испугав своим появлением и меня, и собаку, хотя мы только этого и ждем.

Я осмотрел ружье — все было в порядке, кольцевая проточка на кнопке предохранителя светилась кроваво-красной краской, и повернул обратно в пашню, внимательно оглядывая цепочку заячьих следов. Рой недоуменно смотрел на меня, не желая верить, что приходится оставлять ровную бело-серую шелковистость люцернового поля и вновь, оступаясь и соскальзывая, брести по непонятно для чего изуродованной людьми земле.

Русачий след скоро начал пропадать, исчезать с поверхности снега, отпечатки все труднее стало различать, и это, с одной стороны, раздражало, но с другой могло означать только одно — заяц шел на лежку, стараясь попадать лапами не на снег, а на голую черную землю. Наступал очень напряженный момент: для того, чтобы найти очередной отпечаток, требовалось все дольше пилиться почти себе под ноги, а для того, чтобы не просмотреть вскочившего зайца, нужно было не забывать оглядывать поле вокруг себя. Прошло минут двадцать, но все было безрезультатно. Русак не выскакивал, и, протропив с трудом его след до первой скидки, я потерял его окончательно. Я верил в правило, по которому направление первой скидки указывает на лежку, но определить его не сумел — попросту не нашел дальше ни одного отпечатка. След просто исчез, словно заяц вознесся и перелетел на соседнее поле. В этом месте на пашне по какой-то причине черное сильно преобладало над белым, что и спасло русака. И еще мне не очень хотелось задерживаться на первом поле. Белоснежный зимний день, залитый золотом солнца и синевой неба, с распахнутыми широкими полями и сиреневыми от инея лесными полосами звал, торопил дальше, обещая новые дали и радости.

Попетляв по многообещающей, но так и не одарившей трофеем пашне, я скоро выбрался из нее и скорым шагом, к великой радости Роя, замахавшего в могучем стремительном челноке, пересек люцерновый клин и вышел на полевую дорогу. Она убежала вдаль, и по обе стороны от нее лежали заснеженные поля: слева, после люцерны, — большой квадрат рапса, мясистыми зелеными, с желтыми ожогами от мо-

роза листьями выглядывающего из-под снега, а еще дальше чисто-белое поле озимых и две огромные пашни-близняшки — справа.

Впрочем нет. Близняшками эти два поля можно было назвать условно, потому что дальше, если считать по направлению моего пути, было «чисто» пашней — прямоугольником два на километр, обрамленным кленово-акациевыми посадками, старыми и сильно заросшими, а у ближнего густая камышовая балка-сага отрезала примерно треть, и в этой трети располагался Оазис. Так я давным-давно окрестил участок местности, для описания которого, несмотря на его сравнительно малую величину, — всего-то с десяток гектаров, — требуется немало слов.

На маленьком клочке никогда не паханной земли в живописном беспорядке сочтались вода и травянистые поляны, деревья и заросшие бурьяном в человеческий рост бугры и ямы. Имелась даже длинная трапеза с обвалившимися стенками, назначение которой было препятствовать набегам лихих людей со стороны поля на некогда большую совхозную ферму, деятельность которой и родила Оазис.

Центром его были отстойники. Всего лишь два небольших водоема, образованных не рытьем, а обвалкой при помощи бульдозера. Со временем берега-валы заросли травой, а по кромке набравшейся с фермы воды — камышом, на их трехметровую высоту выжились несколько колючих акаций, да так и остались в одиночестве. Отрезанный камышами от пахотного поля участок не использовался и живописно зарос травой, посреди которой негусто вытянулись молодые кленики и акации. Кое-где среди деревьев косматился гривой камыш. С одной стороны Оазиса тянулась старая ограда, состоявшая из кирпичных столбиков и толстой сетки, бурой от многолетней ржавчины. Ограда была границей фермы, но за ней тоже стояли двухметровой мрачной стеной стебли какой-то гигантской травы, напоминающей топинамбур, за которыми едва просвечивали строения. Ферма была еще жива, несколько корпусов с коровами и свиньями работали, давая, как это ни покажется странным, жизнь отстойникам с окружающим их растительным мирком, щедро питаемым обильно удобренной почвой.

Охотники, насколько я знаю, забредали сюда редко — уж слишком «пересеченной местностью» являлся Оазис, и реально добыть здесь что-либо оказывалось вовсе не так просто. «Что-либо», как правило, означало зайца или лису, а им, выбравшим для дневки подобное место, покинуть его незаметно при малейшей опасности не представляло особого труда. Впрочем, если действовать не спеша и обдуманно, то даже в одиночку рассчитывать на удачу здесь было можно. Как минимум один заяц лежал в Оазисе практически всегда.

Проходя по дороге мимо этого крохотного Эльдорадо, я видел и заманчивые космы заснеженных желтых трав у подножий деревьев, и серую неподвижность татарника, и вытаявшие за прошлые солнечные дни зеленые поляны меж корявых акаций. Сейчас там было морозно и тихо. И загадочно, и маняще.

Можно было сразу свернуть проверить этот старый «загашник» — на это ушло бы с полчаса, — но я в тот день решил оставить его «на закуску», на конец дня, и то — если случится возвращаться из полей пустым, о чем в такой сказочно красивый и чистый день думать не хотелось. А ежели подфартит мне днем, то пусть Оазис останется не потревоженным моим вторжением, пусть хранит до поры, до следующего раза свою маленькую тайну.

Меня очень тянуло зайти в рощу редких акаций с зелеными полянами, посыпанную снегом, но я прошел мимо, оставляя ее на вечер, хотя прекрасно понимал, что за день в ней могут побывать другие охотники.

А короткий зимний день уже торопил меня. Я потерял больше часа на бездарное прочесывание пашни, ходьбу по люцерне и перекур на перекрестке посадок. Я уже слышал два или три выстрела, долетевших из заснеженных просторов, и это свидетельствовало, что кто-то построил свой охотничий день более правильно.

Забегая вперед, скажу, что на этой, ближней пашне, одну треть которой занимал Оазис, лежало в тот день семь зайцев. Возможно, их было больше, но мне удалось поднять на этом поле в течение двух часов семь русаков.

Ну а пока, по времени что-то около одиннадцати дня, я прошел мимо поля с Оазисом и решил проверить соседнюю пашню.

Я уже спешил и уже подспудно чувствовал, что этот прекрасный, чудный зимний день, какие не часто выпадают на долю кубанского охотника-степняка, вполне может сложиться так, что никакой опыт многолетней охоты на зайцев не сможет переломить то, что называется «невезухой». Выдаются ведь такие дни: куда бы ни шел ты, как бы ни прикидывал и планировал свой маршрут, удача упорно не идет в руки, словно посмеиваясь над твоей все увеличивающейся нервной торопливостью, насмешливо подстегиваемой чьими-то выстрелами неподалеку.

В тот день поначалу все складывалось именно так.

Я не стал разбираться со следами на дороге, а сразу ходко пошел по рябь-му полю, в котором белого все же было гораздо больше, чем черного. Намного больше. И это было хорошо, потому что на белом заметить вскопавшего русака нетрудно. Даже боковым зрением. Ты идешь, стараясь попасть подошвами сапог на вершины земляных выступов, торчащих из снега, и горизонт плавно и широко покачивается в такт твоим шагам, а все остальное — и это поле, и это небо статически неподвижно, если не считать медленно сжимающейся внутри тебя пружины ожидания. И вдруг в один дикий, страшный и умопомрачительный миг одно из сотен черных пятен, разбросанных вокруг тебя, оживает и превращается в упруго несущегося по полю рыже-серого зайца. И та пружина, что все больше сжималась внутри тебя пройденными километрами и прожитыми часами, тоже вдруг срывается с зацепа и с ужасной силой распрямляется, вливаясь раскаленными витками в мышцы тела и мозг.

Ах, этот прекрасный миг! Мне не с чем сравнить его — лишь охотники поймут меня, ибо такие мгновенья случаются только на охоте.

Поле было большим и однообразным. Это не понравилось ни мне, ни Рою, который после небольшого круга вопросительно оглянулся. Я пожал плечами и сказал ему: «Да я и сам не знаю, Роюшка, где тут может лежать этот чертов заяц. Везде. Или нигде. Не знаю. Надо найти след».

Через десяток шагов, впрочем, я увидел тракторную колею — две широкие белые ленты пересекали пашню наискось — и оживился. Я знал, что зайцы любят пользоваться такими колеями для захода в пашню — частенько неподалеку от нее они и ложатся.

И, конечно, я сразу увидел след: он тянулся по правой колее и вместе с ней направлялся к лесополосе, разделявшей две пашни, — эту и ту, которая была с Оазисом. Я подумал, что дело приближается к обеду, а мне все еще не удалось удалиться от хутора более чем на полтора километра. Вот и опять очередной заяц заворачивал меня в сторону жилья. В принципе в этом не было ничего необычного: в снег и мороз русаки охотно обживают околицы. Рой тоже выскочил на колею, мимоходом обнюхал заячий след, но волнения не выказал. Я удивился — точно так же он вел себя на том, первом следу. Мороз уничтожил запах? Возможно...

Я протропил малик до лесополосы, где к нему присоединился еще один след, и обе цепочки русачьих отпечатков нырнули под сень заснеженных кленов.

Чтобы не метаться с поля на поле, мы с собакой вначале прочесали посадку. Мы прошли вдоль нее — я опушкой, а Рой челноком, гремя промерзшей подстилкой, — почти километр, но единственным живым существом, отреагировавшим на наши поиски, был большой пестрый дятел, порхнувший меж ветвей. С солнечной стороны посадки было заметно теплее, кое-где у самых верхушек земляных бугорков начал подтаивать снег. На опушке с зеленой травы сполз иней. Ярче засветились на прошлых проталинах опавшие листья.

Мы выбрались на пашню, где змеилась желтой рекой тростниковая сага — за ней кудрявились кроны Оазиса. Теперь это было уже позади нас. Поле было довольно сильно потоптано зайцами — они кормились ночью остатками урожая кукурузы, короткие обрубки стеблей торчали из пашни тут и там. Я знал, что заяц может лечь на том же поле, где кормился, а может уйти на соседнее — получалось, что он мог быть и тут, и там; другими словами, из моего знания ничего определенного не следовало. Побегав по «кукурузной» пашне с полчаса и все-таки не затронув большей его части, ничего не подняв, мы с собакой вернулись на поле с тракторной колеей. Нарисовав на нем большую подкову, обойдя все с моей точки зрения перспективные взгорки и ложбины, вновь подошли к лесополосе, и тут я явственно понял, что случилось то, чего я опасался: в этот прекрасный, красивейший день я до сих пор не могу понять, где устроился на лежку заяц. Я начал торопиться, я был неспокоен, начав одно, бросал начатое, стараясь проверить еще один вариант, и, когда он оказывался нулевым — как мне казалось, хотя и его я не проверял до конца, — хватался за новый. Я метался с одного поля на дру-

гое, понимая, что заяц где-то здесь, но ничего не получалось.

Еще раз забегая вперед, скажу, что на этой отделенной от Оазиса камышовой балкой пашне с торчащими обрубками кукурузных стеблей лежало семь зайцев — на самом деле их было на один, два, а может, на три больше. Но они понаделали себе ухоронок в середине поля, а у меня в тот момент хватало терпения только на то, чтобы прочесать с собакой его край метров на двести — и вновь перейти на соседнее.

Так, челноча с Роем по краям свежих полей, мы в конце концов оставили их позади, и когда вышли к очень старой, со многими поваленными деревьями посадке акаций, за которой видны были в морозной дали подворья Верхнего, стрелки часов показывали половину второго.

В январе это уже поворот к вечеру. Во всяком случае самое время подвести итог первой половины охотничьего дня. А что подводить-то? Абсолютно нечего. Если вдуматься, я сегодня толком ничего и не узнал, ничего до конца не проверил. Все спешил, метался — там кусок, там... И в результате ни об одном поле не могу сказать с уверенностью: здесь зайца нет. Ни одного-то толком так и не прошел. Все какими-то набегам, наскоками... Теперь куда?

«Давай, Рюшка, наверное, чаю попьем, — сказал я подошедшей собаке, которая на эти слова втянула язык и склонила голову набок, — и уясним, как мы — ну я, то есть, — скатились до уровня новичка-торопыги, и заодно решим, что делать дальше, чтобы хоть ради принципа узнать — где сегодня прячутся длинноухие».

Рой повалился на бок и стал с удовольствием кататься в снегу, взбрыкивая длинными ногами. Он просто радовался, что мы ушли наконец с этой неудобной для ходьбы пашни, скрытыми ямами и твердыми вывертами выворачивающей ноги. Рой был крупной, тяжелой и умной собакой и понимал, что поломать или вывихнуть ногу, оступившись на бегу, здесь большого труда не составит.

Я вдоволь напился зеленого чая с лимоном, но перед этим достал фотоаппарат и сфотографировал Роя, который эффектно лежал на заснеженной дороге посреди многочисленных заячьих отпечатков. Пока мы отдыхали на солнечной стороне лесной полосы, откуда-то слева, а потом и справа донеслось несколько выстрелов, и парных, и серий по четыре и пять. Народ охотился, искал и находил своих зайцев — только, похоже, одни мы отходили первую половину дня впустую.

Я досидел до двух часов и поднялся. Еще было время пойти на дальние поля, но уверенности, что там уже не побьются рышущие с темноты гаи неутомимых зайчатников, не было.

Я повернулся спиной к солнцу, пробрался обратно через старую посадку, громко хрустя снегом и царапая одеж-

ду большущими иглами стволов и ветвей, и очутился вновь на пашне.

Это было то самое поле, один край которого, теперь дальний от меня, занимал Оазис. Оно было большим — не меньше километра в ширину и двух в длину, — так что, если обследовать его тщательно и не спеша, время до сумерек останется как раз только на заветный уголок.

На поле осенью убрали кукурузу, и, пока его не запахали, сюда на кормежку, возможно, прилетали утки. Потом, после вспашки, уток сменили зайцы, находившие и корм, и убежище в глубоких бороздах. То, что русаки кормились здесь, я знал очень хорошо, пройдя левым краем поля: множество следов во всех направлениях и выкопанные из-под снега початки со следами погрызов как нельзя более красноречиво говорили об этом.

Однако ни одного зайца я на полосе шириной в двести шагов до обеда не поднял. Зайти на середину поля мне «не дало» соседнее поле — на нем тоже с большой вероятностью могли днеть русаки, уйдя туда с кормежки. Сколько раз так бывало — протопчешься на жировых следах черт знает сколько времени, и все впустую, а зайчики-то лежат от этого места в километре — на соседнем поле. И ведь и там, и здесь — пашня, а вот поди ж ты — на этом им кормиться, а на том — спать! Но бывало и наоборот, как говорится: где ел, там и лег. Прямо среди жировочных следов делали зайцы лежки, против всех правил и наставлений молодым охотникам. И если у тебя за плечами больше тридцати охотничьих сезонов, сотни таких вот самотопных дней — память услужливо подсовывает примеры на любой вкус, любые варианты решений извечной задачи с выстрелом в конце. И в этот сверкающий снегом день именно она, услужливая многобайтовая память, сыграла со мной до обеда незлую шутку, заставив опретью бегать с одного поля на другое с целью побыстрее определить, какое же из них — днёвочное. На том-то, самом первом поле рядом с хутором, я тоже наверняка бросил «верного» зайца, не стал «добывать» пашню до конца. Хотя понять можно: начало красивого дня, желание увидеть дальние поля в зимнем убранстве и боязнь безрезультатно потратить драгоценные часы на топтание неподалеку от машины погнались дальше. А в итоге потратил их почти на то же самое — хоть и пробежал полдня, а все же невелик кружок! И Рой, надо признать, не помог мне вовсе: как-то совсем неактивно вел себя на заячьих следах, интересовался ими слабо и возбуждения, характерного для него, почти не проявлял, как будто были они трехдневной давности. Впрочем, я не раз замечал: на снежной тропе пес вообще показывал невысокие результаты следовой работы. Его стихией были чернотроп и заросли, перед заснеженной морозной пашней он явно пасовал.

Мы вышли на широкое поле, и я сразу стал смещаться к его центру, потому что правый от нас край был нами уже пройден сегодня.

Я знал, что это последнее поле сегодня, — сам так решил, потому что надо было хоть что-то сегодня сделать полностью, например обследовать эти сто пятьдесят гектаров запаханной в ноябре кукурузы и выяснить, есть ли на них кроме заячьих следов еще и их хозяева.

Это было совершенно правильное решение, потому что в разных точках поля, убежавшего от нас в разные стороны тысячами черных земляных холмиков на белом фоне, лежало семь ружья.

Они сделали себе семь глубоких лежек, располагавшихся примерно на равном расстоянии друг от друга — метров по двести, — вокруг середины поля в произвольном порядке, но ни один не залег на краю, который мы с Роем пробежали напористым «челноком» до обеда и где было множество следов заячьей трапезы и ни одной лежки.

Я сразу взял направление к центру поля, решив двигаться потом расширяющимися по спирали кругами. Это была тактика тотальной проверки, после которой, как мне казалось, на поле не должно остаться ни одного более-менее большого участка, где бы мы с собакой не оставили своих следов. И тогда, если даже мне не удастся поднять ни одного длинноухого, я смогу сказать, что сделал все, что мог. Это всегда как-то успокаивает. Особенно после утренних перебежек с поля на поле.

Солнце теперь светило в спину, и глаза, уставшие за полдня от снежного сияния, ощутимо отдыхали. Впрочем, я тут же перестал думать об этом, потому что, не пройдя и двух сотен шагов, увидел заячий след. Это не был тот жировочный поскок от одного стебля кукурузы до другого, что испугали край поля, — ровная строчка отпечатков тянулась напрямик к центру пашни и чертовски напоминала типичный след русака, шедшего на лежку. След пришел откуда-то справа, со стороны жировки, был на вид свеж, и я опять удивился, когда Рой на махах перескочил его, не задержавшись. Возможно, за семь-восемь часов мороз отбил запах, но ведь глаза у моей собаки есть? Хотя псу только полтора года — может, опыта не хватает...

Я проверил и перехватил поудобнее ружье и побрел вдоль следа, проваливаясь в снежные ямы между земляными глыбами. Рой колесил вокруг, вздымая снежные буруны и отфыркиваясь.

Когда мы были примерно посередине поля, заячий след плавно отвернул влево. Скидки до сих пор не было, и я повесил ружье на плечо. Во-первых, взять его в руки можно после того, как появятся хоть какие-то признаки, что русак действительно решил залечь, а во-вторых, оно заряжено четырьмя патронами, и если заяц вдруг выскочит прямо сейчас — а такое бывало не

раз! — у него будет совсем немного шансов. Лишь бы он встал в меру.

Я тоже повернул влево вслед за следом, солнце, уже явно охладившее, но такое же ослепительное, ударило наискось по глазам, и в этот момент я увидел впереди, шагах в тридцати, несущегося по снежной пашне зайца! Он был очень светлым, как будто в инее, и из-под лап у него легко и бесшумно вылетали снежные облачка. Рой находился справа и русака не видел. Боковым зрением я отметил темный крупный силуэт собаки и понял, что стрелять она мне не мешает.

Привычным, сотни раз отработанным движением я потянул рукой шейку висевшего на плече ружья вперед и вверх, легкая тульская газоотводка совершила в воздухе переворот, мелькнув черным стволом, моя левая рука выбросилась вперед и поймала в ладонь округлое холодное цефье, приклад прыгнул в плечо, и маленькая мушка заплескалась возле стремительно уменьшающегося зайца, пытаюсь опередить его на небольшой отрезок заснеженной пашни.

Выстрел был простой — русак уходил в полуугол, большого упреждения не требовалось, нужно было просто взять немного вперед и выше. Но скованность, рожденная долгими часами легкой ходьбы, а может усталость, не позволили сделать это сразу.

Я видел, как дробь стегнула замерзшую пашню. Узкая редкая дорожка запылила снегом и мгновенно пропала, а заяц все так же летел по полю, и, ничего не успев подумать, я нажал на спуск второй раз.

Выстрела не последовало. Я не удивился — я был к этому готов, так как ружье было заряжено патронами в «безушных» гильзах. Они были как положено прокалиброваны, до и после этого осмотрены, но все равно это не были новые гильзы и примерно одна на двадцать давали задержку. Я не удивился — я разозлился. Ведь надо же — именно сейчас! Бросив взгляд на ружье, я увидел, что очередной патрон просто уткнулся запрессованным «звездочкой» дульцем в край патронника — совершенно предсказуемая при таких гильзах задержка. Для ее устранения даже не требовалось выбрасывать затвором уткнувшийся патрон на землю. Я сколько можно оттянул за рукоятку затвор назад, потряс его вместе с патроном, отпустил — и с облегчением увидел, как он легко и резко пошел вперед, и услышал ласкающий звук механизма, запирающего ствол. Можно было стрелять! Еще можно было успеть... хотя я с отчаянием понимал, что скорее всего уже поздно.

Русак летел уже за пределами выстрела. Оставался небольшой шанс достать его на запределном расстоянии, так как вторым и третьим шли патроны с очень крупной дробью, а четвертым — с мелкой картечью. Специально для таких вот случаев, когда возможен дальний подъем зверя, когда снег и когда собака. Любое ранение зайца в таких условиях практически означа-

ет, что зверь будет взят.

Я размеренно ахнул и раз, и два, и три, и всякий раз свинцовые шарики выбивали вокруг несущегося русака облачка снежной пыли — все более редкие от выстрела к выстрелу, но он ни разу не сбавил ход, не споткнулся, а так и слился светло-серым пятнышком с сияющим белым горизонтом. Рой пронесся следом метров триста и вернулся, вывалив розовый язык из жаркой пасти.

Вот так бывает. Что тут скажешь. Все понятно. Обидно? На кого? Жалко? А с чего? Куда ни кинь — сам виноват. Лопухнулся — слов нет. И с патронами этими... Хотя по-нормальному этого зайца нужно было брать «с первого». И было бы сейчас все по-другому — и настроение, и день этот чудесный... По уму было бы. И ведь знал же, знал — сейчас встанет! — и вроде готов был к

этому, ан нет — не вышло. Тьфу, даже перед собакой стыдно! Ходили-ходили по этой пашне почти весь день, гробились на вывертах — и ради чего? Чтобы упустить верного зайца. Вернейшего! Не поленился, посчитал шаги от разбросанных на снегу гильз до глубокой заячьей лежки, в которую Рой, засопев как паровоз, сунул бородатую морду. Тридцать семь оказалось. Да, с первого брата надо было. Или со второго, если бы не перекоп этот. Все один к одному сегодня: и беготня утренняя, и промах, и патрон чертов...

Долго не мог успокоиться — уж больно все могло красиво и «правильно» сегодня закончиться! Красивый день, красивый выстрел... А потом — зайца на плечо и не спеша, наслаждаясь зимним простором, белым полем, — к машине. Не спеша! И уже по-другому наблюдать и плавающих над снегами серебристых и бурых луней и канюков, и белые клубы дымов над домами недалекого хутора, и желтизну развороченных скирд, и бронзовый извив тростниковой саги, и синь неба, пронизанную солнечным золотом. А теперь... Теперь все несколько иначе. Неудача, как пресловутая ложка дегтя, горьчею точит изнутри, напоминает... И сразу и плечи занули, и явственней гуд в нозах... А отчего? А оттого, что напрасно все, выходит...

Ну да ладно. Что теперь? Если не смиришься с тотальной сегодняшней неудачей, надо «добивать» эту пашню. Ведь почти наверняка лежит здесь и еще зайчишка — обязан быть! Январь, вторая половина зимы, снег — все за то, что поднятый русак не будет единственным на поле. Любят они кучковаться в это время. Вот только шансов у нас теперь поуменшится — после такой оглушительной пальбы, ой ли подпустит русачок на выстрел. Но посмотрим. Все бывает.

Я успел пройти совсем немного в направлении, куда убежал мой заяц, как впереди, шагов за двести, вскочил еще один. Я проводил его взглядом до лесополосы и покачал головой. Худшие предсказания оправдывались — второй русак явно лежал «ушки на макушке». Что ж...

Я сделал широкий полукруг возле того места, откуда он вскочил, и очутился опять примерно в центре поля. Старался не пересекать наши с Роем следы и скоро набрал на русачью строчку. Прошел по ней сотню шагов, увидел скидку и, едва успев посмотреть в ту сторону, куда большим скачком скинулся заяц, заметил его, кинувшего опрортью в сторону.

Метров семьдесят! Далеко, далеко, конечно, но боковой, на открыто! В ружье теперь пять патронов — шутки кончились! — и я стреляю, тщательно отмеряя перед зайцем промежуток черной трапецией прицельной планки. Ноль, два ноля, три ноля, четыре ноля и картель — смертельный набор четко отработавших патронов. Гильзы порхают на снег, далеко впереди вспыхивают маленькие снежные фонтанчики, а

бегущий между ними заяц легко и быстро уходит к белоснежно-голубому горизонту. Я теперь точно сделал все, что мог. Но фарт, удача, везение — видимо, сегодня они не для меня.

Я посмотрел в глаза примчавшемуся из погони за зайцем Роем и веско сказал, показав для ясности пальцы: «Три!» Три зайца, из которых можно было взять двух. Это при удаче. Это в какой-нибудь другой день — не такой красивый и не такой многообещающий.

Четвертого зайца мне показал Рой. Русак вскочил очень далеко, метров за триста, его почти не было видно за белым горбом пашни, на котором он лежал, и если бы не собака, он так бы и ушел незамеченным. Но пес, рыскавший неподалеку от меня, вдруг «ни слова не говоря» понесся в сторону дымчато-лиловых деревьев Оазиса на краю поля, и я, всмотревшись, увидел на гребне пашни серое мелькание. Этот заяц исчез в заснеженных бурьянах тростниковой балки.

«Четыре», — отметил я про себя и без всякой системы пошел на большой круг, по памяти стараясь обходить стороной те участки поля, где мы с собакой уже успели побывать.

Пятый, шестой и седьмой зайцы вскочили так же далеко — так, что не было и мысли даже поднять ружье.

Через полчаса я выдохся. По этому полю еще можно было ходить и надеяться на удачу — я знал по опыту, что самый хитрый или самый глупый русак вполне может лежать сейчас где-то здесь, не обращая внимания на выстрелы и своих улелепывающих собратьев, но я просто устал — и физически, и от сегодняшнего невезения, да к тому же солнце явно стало клониться за дальнюю посадку, громче захрустел снег под подошвами сапог, а от многочисленных бурговок протянулись заметные тени.

Я остановился, устало вздохнул, повернулся к той части поля, на которой от меня удрали семеро зайцев, и, подняв руки, сказал: «Все, сдаюсь!» Просто так, без слов, уйти с этой пашни я не мог. А так вроде точку поставил, обрубая на сегодня концы и подводя итоги красивого, но — безрезультатного дня.

Хотя, впрочем, нет. «Обрубать концы» и подводить итоги было немножко рано хотя бы потому, что на моем обратном пути лежал Оазис, который я с утра заметил обследовать «в случае чего». Вот выходит, как раз это самое «чего» и случилось. Кроме того, в сторону заветного местечка ушел как минимум один заяц из поднятых мной на поле. Это как-никак добавляло шансов на успешное завершение дня, хотя я об этом суверенно боялся даже думать. Уже боялся. Я понимал, что шансов на удачу все же довольно мало, — в голову лезли какие-то не совсем уместные поговорки типа «перед смертью не надышишься», но полностью отказываться от принципа «я сделал все, что мог!» не хотелось.

И я решительно направился к старой знакомой рощице, отведенной от поля

камышовой балкой, а от полузаброшенной фермы — участком высоченного бурьяна, напоминающего топинамбур, и старым забором с чудом сохранившейся железной сеткой на кирпичных столбиках.

Когда мы, проломившись через засыпанный снегом камыш, вышли на край рощи, солнце за спиной едва не касалось дальней лесополосы, которая уже была не сиреневой, а темно-лиловой, глубоко фиолетовой, почти черной. Огненный шар висел над ней, словно нарисованный. Небо стало пронзительно-синим, а по земле побежали морозные тени. Наступила удивительная тишина, предвещающая морозную ночь, и в этой космической тишине сорочья очередь раскатилась страшным грохотом.

Рой, жутко гремя вытаявшей кое-где из-под снега, а теперь вновь схваченной морозом опавшей листвой, деловито засуетился между деревьев. Они росли не густо, эти карликовые акации, и под ними было много снега и зеленой травы. Дикая зеленая трава совсем не боялась холода и, аккумулируя днем солнечное тепло, растапливала снег на полянах. В глубине рощи из снега торчали желто-серые космы другой, сухой травы, которая на зиму засыпала. Был здесь и камыш — один край рощицы зарос щетинистой гривой.

Я всего на минуту задержался на опушке, чтобы окинуть взглядом это крохотное угодие и наметить путь. Заяц — один из тех ли, что сбежал от меня в поле, или другой, залегший здесь с самого утра, — мог лежать под одним из деревьев в зеленой траве или забраться в один из этих огромных пучков желтого бурьяна, торчащих из толстого слоя наметенного ветром снега, или устроиться в зарослях темного чертополоха у подножия высокой дамы на дальнем конце Оазиса. Он мог лежать где угодно. В конце концов, что тоже одинаково вероятно, его здесь вообще могло не быть. Чтобы это проверить, нам с собакой требовалось минут двадцать напористого челнока. И потом еще столько же — дойти до машины. Она стоит с самого утра за фермой на краю хутора, совсем недалеко. Так что Оазис сегодня — последний шанс на удачу.

Перед тем как войти в рощу, я оглядел снег вокруг. И увидел человеческий след. Отпечатки скорее всего резиновых сапог примерно моего размера. Но это были не мои следы, появились они откуда-то слева и уходили в рощу.

Ну вот и все. Закономерное завершение. Как я и опасался, Оазис за целый день не остался непроверенным. Одинокий след резиновых сапог сорок четвертого размера мог означать только одно: какой-то охотник опередил меня и, конечно, протоптал мой «заказник» вдоль и поперек, и если и не добыл тут ничего, то разогнал все, что было. Что ж, это можно было предвидеть. Я, правда, пока бродил по полю, не слышал с этой стороны ни одного выстрела... ну да теперь какая разница! Вот только если убежавший от меня в на-

правлении Оазиса заяц залег здесь после появления охотника... Проверить все же стоило, тем более что мне все равно по пути.

Я осмотрел ружье и пошел следом за чужими сапогами. Странно, но следы не повели в глубь рощи, а потянулись левым краем, вдоль старой изгороди, за которой стеной высотой в человеческий рост стояли заросли невиданного бурьяна, а за ним угадывались строения фермы. Более того, отпечатки сапог скоро нырнули сквозь дыру в металлической сетке и по натоптанной в гигантском черном бурьяне тропе утонулись в направлении базов.

Хозяин сапог не стал проверять Оазис! Это было хорошей новостью. Кто он был, этот одиночка за хутором, я никогда не узнаю, но когда он свернул влево, за изгородь, я мысленно поблагодарил его. Хотя было ли за что?

Теперь надо было не мешкая пошарить в рощице, тем более что заячьих следов, пересекающих ее во всех направлениях, было множество. Их было просто невероятное количество — я это отметил даже с каким-то замиранием сердца. При таком количестве следов и при таком обилии укромных мест... Запросто может лежать здесь зайчишка! Незнакомец был кем угодно, только не охотником — не мог охотник пройти мимо этого зайчиного Эльдорадо, не покружив меж деревьев хотя бы короткое время! А может — охотник, и уже с добычей, и устал, и просто срезал угол, пошел напрямки к дому — кто знает? Я тоже охотник, и тоже устал, и ноги гудят и начали подмерззать, запотев под холодной резиной, пока стоял на краю Оазиса в раздумьях, но нет мне сегодня удачи, а есть вот этот небольшой шанс, невеликое «отъемистое» местечко, которое я называл Оазисом, хотя это название и не шло сейчас рощице из мелких акаций и кленов, засыпанной снегом.

Я успел отойти от ограды в глубь Оазиса с десяток шагов, обернулся на неясный шорох и успел увидеть зайца, молнией мелькнувшего в бурьяне шагах в шестидесяти... У меня было меньше секунды, но я успел выстрелить в метнувшееся серое, которое тут же исчезло за желтой высокой травой, понимая, что наверняка промахнусь. Я не корил себя — это не было промахом в чистом виде. Расстояние велико, и слишком ничтожное время русак был на виду. Наоборот, я даже похвалил себя за реакцию и за то, что выстрел был все же осмысленным, в то место, куда в следующий миг скрылся заяц. Теоретически его можно было взять. Но только не в этот день.

Заяц лежал в трех шагах от ограды! Он прекрасно видел меня, Роя, когда тот ушел в свой деловитый поиск в глубь рощи, он, возможно, видел того человека, чьи следы вели за изгородь. Но ждать, пока мы с собакой, обыскав Оазис, вернемся опять к изгороди, чтобы вдоль нее идти к дороге, где нас ждет машина, и тем самымотрежем ему путь в спасительные заросли, русак не стал. У самой ограды под деревьями совсем не было бурьяна — толь-

ко ковер изумрудно-зеленой мягкой травы с пятнами снега. Там и лежал заяц — на совершенно открытой местности! Впрочем, до первой спасительной грядки сухотравья ему было всего пара прыжков.

Я почти не огорчился. Наверное, это был заяц, бежавший от меня с поля, и лежал он, конечно, «на слуху». И все-таки я мог его взять. Для этого за несколько секунд до его прыжка мне нужно было бы вставить приклад в плечо и ждать, глядя в ту сторону. Но охота — не траншейный стэнд. Здесь часто многое предсказать невозможно.

Все же расположение лежки мне показалось настолько необычным, что я пошел к этому месту, подозревая собаку, которая после выстрела унеслась вихрем по следу, но скоро возвратилась.

Вот тут, где-то в траве у стволов акаций, и лежал русак. Такой большой, дикий, сливоглазый, пушистый и теплый. Такой близкий и теперь безнадежно далекий. Конечно, я не увидел никакой ямки, никакого даже подобия лежки. Скорее всего это был заяц с поля, поднятый мною пару часов назад, и лежал он на траве совершенно открыто, потому что устраивать постель ему не имело никакого смысла: наступал вечер, пора кормежки. Это подтверждало и поведение собаки: Рой суетливо бегал вокруг, виляя коротким хвостом в сильном возбуждении. На траве заячий запах был совсем свежим. Я подумал, что преследуя зайца, дратхар успел промчатся по всей рощице, так что идти в нее в надежде что-то поднять еще вряд ли стоило. Но, может, это во мне говорила усталость.

Вечер вполз в рощу ощутимым холодом. Закат пылал, над ним в синеющем небе плыли черные вороны. Трава чуть поседела от инея — мороз сковывал подножия деревьев. В роще было абсолютно тихо, недвижимо. Стыл желто-серый бурьян, замерла грива белесого тростника с седыми бунчуками метелок, повисли в холодной неподвижности ломаные ветви акаций. Мне вдруг показалось кошунством вторгаться в эту хрупкую звенящую тишину своими грохочущими сапогами, рутьить идилию зимнего вечера, оставляя за собой месиво из перемешанной со снегом травы.

Я достал пачку, вытащил сигарету, полез в другой карман за зажигалкой — и в этот миг откуда-то из-под моей руки выпрыгнул заяц!

Большущий русак родился из зеленой травы в двух шагах от меня, сделал бешеный скачок и понесся в угон, мелькая в наступающем сумраке ярким пятном подхвостья. Я напрочь забыл о собаке. Я бросил на траву сигарету, рванул с плеча ружье и выстрелил в ту сторону, где мелькало между деревьев серо-белое. Это был чистейший промах, суетливый, жалкий, недостойный, позорный. Я не успел ужаснуться этому, как откуда-то со стороны огромной наперез зайцу метнулася огромная коричнево-седая собака. Русак резко прыгнул влево, в рощу, став ко мне боком, он почти скрывался за кустом бурьяна в двадцати шагах от меня, когда я, наконец придя в себя, осмысленно выкинул ствол ружья немного впереди его силуэта — при этом мушка уперлась в куст — и выстрелил. За клоком бурьяна видно было плохо, но я увидел, как дробь, пронизав сухую траву и ветки, ударила зайца, и он завалился в куст. Тут же налетел Рой и придавил его, а я побежал к ним как мальчишка, что-то радостно бормоча и улыбаясь...

Потом я, плохо соображая зачем, вернулся на то место, откуда стрелял, и целился в куст, и разводит руками, и искал место лежки, не нашел, но поднял свою сигарету, не памятую, чистую и холодную от мороза, закурил и долго, долго не мог успокоиться, пожимая плечами и недоумевая — что же это за штука такая — охота, что же она умеет вытворять с нами, так, что начинаешь подозревать — не пишет ли иной раз ее сценарий кто-то там, наверху, в неведомом пространстве Вселенной.

Я повесил зайца на ветку маленькой акации рядом с приметным кустом, достал фотоаппарат и сделал несколько снимков на память. Это был красивый день, завершившийся так, чтобы помнить о нем всегда. Я не знаю, кто подарил мне этого зайца, не Бог ведь какую добычу, конечно, но в душе я вечно буду благодарен ему, кто бы он ни был.

Рисунки Б. Игнатьева

Космоновый подствольный фонарь
LEDWAVE Z-1 COMMANDO
1780 руб

ЗАКАЗАТЬ

Космоновый подствольный фонарь
LEDWAVE ZR-1 Rechargeable (аккумуляторный)
2840 руб

ЗАКАЗАТЬ

Космоновый подствольный фонарь
LEDWAVE Z-3 TARGETER
3020 руб

ЗАКАЗАТЬ

Космоновый подствольный фонарь
LEDWAVE Z-4 TARGETER II
4440 руб

ЗАКАЗАТЬ

Космоновый подств. фонарь **LEDWAVE Z-10 TARGETER III (аккумуляторный)**
9770 руб

ЗАКАЗАТЬ

Светодиодный подствольный фонарь
LEDWAVE WILD FINDER
4090 руб

ЗАКАЗАТЬ

Светодиодный подствольный фонарь
LEDWAVE WILD FINDER II
4090 руб

ЗАКАЗАТЬ

Светодиодный подствольный фонарь
LEDWAVE X-22 (2 батареи типа AA)
1900 руб

ЗАКАЗАТЬ

Карманный светодиодный фонарь
LEDWAVE Personal Defense Light
4090 руб

ЗАКАЗАТЬ

Карманный светодиодный фонарь
LEDWAVE X-11
1750 руб

ЗАКАЗАТЬ

Карманный светодиодный фонарь
LEDWAVE X-33
2310 руб

ЗАКАЗАТЬ

Карманный светодиодный фонарь
LEDWAVE X-66
3270 руб

ЗАКАЗАТЬ

Выносная кнопка
Z - 1, 2, 3, 4
820 руб

ЗАКАЗАТЬ

Б/с кронштейн для тактич. фонарей
800 руб

ЗАКАЗАТЬ

Б/с кронштейн с элементом WEAVER
Z - 1, 2, 3, 4
880 руб

ЗАКАЗАТЬ

Универсальный кронштейн
Z - 1, 2, 3
480 руб

ЗАКАЗАТЬ

Моноронштейн на WEAVER
810 руб

ЗАКАЗАТЬ

Литиевая батарея CR-123
85 руб

ЗАКАЗАТЬ

Инфракрасный светофильтр
Z - 1, 2
810 руб

ЗАКАЗАТЬ

Инфракрасный светофильтр
Z - 3, 4
780 руб

ЗАКАЗАТЬ

Наб. крышек-светофильтров
Z - 1, 2
340 руб

ЗАКАЗАТЬ

Набор крышек-светофильтров
Z - 3, 4
380 руб

ЗАКАЗАТЬ

Индекс _____ Город (республика, край, область, район, и. пункт) _____

Ул. _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Ф. _____

И. _____

О. _____

Тел.: (код города) _____ Факс: _____

E-mail: _____

Все цены указаны в рублях и действительны на день издания журнала.

ООО "Мировые оптические технологии"
Заполненный купон Вы можете прислать в конверте по адресу:
196213, Санкт-Петербург, авт 11
Отправить заявку по факсу:
+7 (812) 327-44-21.
Оформить заказ по телефонам:
+7 (812) 896-38-82.
+7 (812) 327-44-88.
На сайте: www.wht.ru
Или по электронной почте:
sales2@wht.ru.
Контактное лицо:
Ольга Прокина.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам постоянный подписчик. Журнал выписываю с 1975 года. Даже в трудные времена 90-х годов, когда у нас в районе забыли, как выглядят деньги, так как их не платили вовсе, я находил выход и подписывался на журнал.

У меня всегда были и есть собаки, сейчас держу дратхаара и прошу вас дать через журнал ответ на мой вопрос: обязаны ли работники нашего охотничьего общества давать мне и другим охотникам путевки на зайца и лису на две недели раньше общего открытия охоты на этих зверей. Дело в том, что наш председатель общества говорит, что эта собака только по перу и в осенне-зимнюю охоту — никаких льгот. А вот гончатники и владельцы лаек пользуются у нас льготами, и для них открывают охоту раньше.

Дратхаар — тоже универсал, и в Октябрьском районе, который рядом с нами, путевки на зайца и лису дают раньше.

В. ЕМЕЛИН
Ростовская обл.

От редакции. Уважаемый Виктор Владимирович! К сожалению, вынуждена Вас огорчить: председатель вашего охотничьего общества прав. Дратхаар (или, как у нас принято называть, немецкая жесткошерстная легавая) действительно культивируется как легавая собака, то есть — работающая со стойкой. Для стимулирования, содержания и разведения легавых собак Глав-охота при Совмине РСФСР в конце 70-х годов приняла решение о том, чтобы охоту «по перу» для охотников с легавыми открывать на две недели раньше, чем для всех остальных. При этом легавые собаки должны иметь положительные оценки за экстерьер, полученные на выставках или выводках.

Что касается охоты на лисицу (как и на остальных пушных зверей), то она обычно открывается в разные сроки, в зависимости от расположения региона: на севере раньше, на юге позднее, то есть в те сроки, когда звери оденутся в зимний мех. Во избежание распространения бешенства в более южных регионах страны иногда от-

стрел лисицы разрешают в течение всего года, но это уже не охота, а отстрел.

В отношении лаек. Для них не предусмотрено никаких льгот и охота разрешается в общие сроки по боровой и водоплавающей дичи, ну и, конечно, по пушным зверям в период, когда созреет пушнина.

Дратхаар — не универсал. Это легавая собака, которая должна работать со стойкой. Ее дичь лугово-болотная: дупель, бекас; полевая: перепел, серая куропатка и боровая — тетерев, глухарь, вальдшнеп. Полевые дипломы по этим видам как для дратхааров, так и для всех остальных легавых являются основными и на выставках засчитываются как основные. Что касается работы дратхаара по утке, кабану, барсуку, кровяному следу, то дипломы, получаемые по этим видам, учитываются лишь как дополнительные. Собака, получающая дипломы только по этим видам, входит в самый низший — третий — резервный племенной класс.

Работа по зайцу не должна быть типичной для дратхаара, и по зайцу он должен работать со стойкой, если же он гонит зайца вместе с гончими, то для легавой это большой порок и стимулировать такую «работу» нельзя. Если он не делает стоек, а болтается в угодьях, выпихивая все живое, это уже не легавая собака, так может работать любая дворняжка. И такую собаку в угодья вообще пускать нельзя — он словит и зайчонка, и слетка.

Л. ГИБЕТ
эксперт Всесоюзной категории

Здравствуйтесь, многоуважаемая редакция! Пишет ваш постоянный подписчик Шулунов Андрей, охотник с 25-летним стажем. Ваш журнал начала выписывать еще моя мама, заметив у меня тягу к лесу. А первое ружье подарил отец, это был ИЖ-49 1952 года выпуска, которое отличалось хорошим боем и безотказностью, ведь умели же раньше делать! Много всего было добыто с ним — от уток до лосей и изюбрей.

В 1998 г. приобрел карабин «Сайга». Что о нем можно сказать — это безотказная машина, немного прожорливая, но всегда готовая к очередному выстрелу. Добычли-

вость у меня возросла, за что спасибо ее создателю.

Опубликуйте, пожалуйста, мою фотографию с другом Сашей, у нас с ним день рождения с разницей в два дня, это будет подарок для нас обоих. Я — на фото справа.

А. ШУЛУНОВ
Иркутская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! С большим уважением отношусь к вашему журналу, с удовольствием его читаю и выписываю с 1985 года, а вот в рубрику «Письма читателей» решил написать впервые.

В далеком 1979 году после военного училища по распределению попал на Дальний Восток, до настоящего времени живу здесь и продолжаю службу в Вооруженных Силах РФ. Полюбил охоту, рыбалку, красоту природы Дальнего

Востока, имею много друзей-единомышленников. Об одном из них, Евгении Леонидовиче Кривульке, хочу вам рассказать.

Судьба военного также забросила его на дальневосточные рубежи. Его отличает необыкновенная любовь к охотничьим собакам, умение их воспитывать и делать настоящими помощниками в охоте. Живут они у Евгения в прекрасном вольере, который он построил сам, умны, расторопны и отлично знают свое дело. Часто радуют хозяина успехами в охоте.

Осенью 2005 г. мы были с ним на охоте в районе реки Хор, которая несет свои могучие воды среди живописных сопот Хабаровского края. Там и отыскали ягдтерверы в норе барсука. Умело построенная им нора в дупле вековой липы с дальнейшим переходом в скалу не дала возможности собакам работать быстро и слаженно, так как пространство было крайне ограничено. Но азарт брал свое, да и барсук оказался не из слабых. После продолжительной борьбы победили питомцы Евгения Леонидовича, но барсук в последний момент закрыл собой выход из норы, и собаки стали задыхаться. Хозяин чудом подоспел вовремя, невероятными усилиями расчищал вход и спас своих друзей.

А как Евгений распутывает по первому снегу следы зайцев, с таким азартом и умением, что нет ему равных в нашем охотничьем коллективе. Но эта история для другого письма.

А. СКЛЯРЕНКО
г. Хабаровск

Е. Л. Кривулька со своими верными друзьями

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Теремок

В парке появилась кормушка, похожая на теремок. Подошел рассмотреть. Рядом на ветку села синица. Явно хотела, чтобы ее угостили. В кормушке-теремке много всякого корма, а этой синице, видимо, нравилось брать корм с руки, выбирать, что повкуснее, без ссоры с другими птицами.

Приготовил фотоаппарат, взял из кормушки щепотку корма и протянул на руке синице. Она тут же села на большой палец, чуть сжала его коготками. Щелкнул фотоаппаратом. Синичка слетела, прихватила с ладони семечку.

Фотографируя, заметил, что другая синица как-то странно вела себя на снегу: горбилась, распускала крылья, явно сердилась... Из снежной норки высуну-

лась мордочка мыши. Оказалось, просыпанные мимо кормушки крупы и семечки собирали внизу не только синицы, но и лесные мыши. Во многих местах вокруг теремка виднелись дырочки-норки.

Решил сфотографировать их обитателей.

Пока караулил, появилась белка. Возле столба, на котором держался теремок, разрыла лапками снег, достала желуди и побежала прятать в другое место, подальше от мышей.

Суэта синичек у теремка привлекла пищу. Птичка поняла, что насыпанный тут корм не для ее тоненького клюва, и продолжила заниматься своим делом. Быстро лазала вверх-вниз по стволам деревьев, искала в трещинах коры насекомых.

В отличие от других птиц, пищу может спускаться по стволам деревьев

вниз головой. Как она это делает, сфотографировать не удалось - перелетела к дальним деревьям. Но на снимке, где она забирается вверх, видно какие у нее большие и цепкие лапы.

Мыши время от времени высывались из норок, и некоторых успел сфотографировать.

Знает о теремке и ястреб-перепелятник. Он вдруг ворвался в стайку кормящихся птиц, но увидел меня и взмыл вверх. Синицы с тревожными криками, почти воплями, разлетелись по сторонам и пропали.

Я не стал ожидать, когда вернуться. Сфотографировал теремок, который собрал столько разной живности, спрятал фотоаппарат от мороза под куртку, и зашагал к дому.

Анатолий Севастьянов. Фото автора
См. 4-ую стр. обложки

ОАО "Вологодский
оптико-механический завод"
продолжает рассылку наложенным платежом:

- оптических дневных прицелов;
- прицелов ночного видения;
- кронштейнов для крепления на карабины и ружья;
- фотообъективов, луп.

160009 г. Вологда, ул. Мальцева, 54, тел. (8172) 25-98-15, 53-66-10, 25-94-98; факс (8172) 72-61-45
e-mail: commerce@vologda.ru, vomz@vologda.ru; web: www.vomz.ru

Куплю дикую пушнину:
куницу, рысь, белку, ондатру и др., хвосты,
отходы мехового производства
Тел. 8(495)223-10-92, 8-926-210-72-12

Год кабана

2007 год (кстати, он придет к нам только 18 февраля) по китайскому гороскопу — год Красной Огненной Свиньи, но охотникам ближе японский гороскоп, ведь по нему это — год Кабана.

Все мы в ожидании года Свиньи опасаемся, что уж свинью-то он нам точно подложит! Но прогнозы обещают — не бывать этому!

Дикие свиньи всегда были и остаются желанной добычей. Человек, добывший кабана перед Новым годом, считался счастливым — по старинному поверью, ему должно было везти весь год. Если в деревне кто-то добывал кабана — устраивался праздник и охотника долгое время почитали как героя.

Не все свиньи такие свирепые, как кабаны, есть, к примеру, специальная «домашняя» порода свиней — минипиги. Они маленького роста (15–28 см в холке), милы, чистоплотны и очень дружелюбны. Многие люди, увидев минипигов, резко меняют свое отношение к свиньям в лучшую сторону. Их можно чесать за ухом, выгуливать на поводке и даже... дрессировать. По словам многих владельцев, минипиги поддаются дрессировке не хуже собак, только дольше обдумывают команды.

Свиньи наделены чувством справедливости и душевной щедрости, они общительны и дружелюбны, у них огромная тяга к знаниям и спорту. Для таких любителей спорта создана Федерация спортивного свиноводства и проводятся специальные пороссячьи олимпиады, в которых участвуют свиньи со всего света. Соревнования проходят по разным видам спорта. Начинается олимпиада с пороссячьих бегов по специальному свинодрому (5 дорожек по 12 метров, разделенных перегородками). Свиносвимминг — пороссячье плавание на 8-метровую дистанцию в неглубоком бассейне. Победитель определяется по трем заплывам. Свинобол — участвуют команды по пять поросят, задача которых в том, чтобы загнать специальный морковный мяч в ворота соперников. В матче два тайма по 5 минут. Победитель в трех видах спорта награждается не только кубком и медалью, но и целой лоханкой вареной моркови со сливками. В 2006 году первое место занял российский поросенок Костик, второе — тоже наш соотечественник Шпионик, а бронзовым призером стал француз Жан-Франсуа.

Свинья любит роскошь и апельсины, хотя, по известной поговорке, ничего в них не понимает. Так что в новогоднюю ночь наденьте все свои украшения и не забудьте положить на стол хотя бы один апельсин.

Ксения ВИНЧЕНКО

Фото В. Животченко

ДАНИЛКИН А. Трофейная охота: проблемы и перспективы	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Посвист утиных крыльев	4
ГУСЕВ О. Государственным заповедникам России — 90 лет	6
СТОЛЯРОВ К., САВЕЛЬЕВА К. Семейная охотничья страсть (интервью)	10
ТИШКЕВИЧ С. Снежный баран	14
ВЕРЕЩАГИН Н. Мои охоты на фазанов	16
КРЫЛОВ А., ЖИТЕНЁВ Д. Советы бывалых охотников	20
ЛАПСИН Г. Промысловая лайка Джек	22
ГОРБУНОВА Е. Господа охотники! Почему не водите своих собак на выставки?	25
НАЙДЕНОВ А., КИСЛИЦЫНА Н. «ЦКИБ СОО». Карабины охотничьи револьверные МЦ502	26
МАСЛОВ Ю. Мое ружье: вопрос-ответ. Франц Егер	27
БЛЮМ М. Патроны на зайца и лисицу	28
БУЛГАКОВ М. Русские писатели охотники	30
БУЛГАКОВ М. Сергей Тимофеевич Аксаков	31
АКСАКОВ С. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах	34
АЛЁХИН И. Восьмой заяц	36
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	21, 24, 35, 43, 45
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой странице обложки:

Кабаны обитают в самых различных ландшафтах, от темнохвойной тайги до гор и пустынь. В отличие от домашних сорочидей, кабаны покрыты густыми волосами и у них черный пятячок и черные копыта

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:

Снежные бараны и места их обитания на Чукотке

К фотоочерку С. Тишкевича «Снежный баран»

На четвертой странице обложки:

К фотоочерку А. Севастьянова «Теремок»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафионов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнорцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 31.10.2006 г. Подписано к печати 8.12.06 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 27.300 экз. Заказ 3100. Цена 37 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спаская ул., 18
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат».

142300, г. Чехов Московской области,

тел./факс (501) 443-92-17, (272) 6-25-36.

E-mail: marketing@chpk.ru

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

Вместе со стайкой кочующих синиц даже зимой в лесу или на кормушке в городском парке можно встретить **обыкновенного поползня**. Благодаря цепким лапам, этот отдаленный родственник синиц стал прекрасным древолазом, способным обследовать щели в коре, спускаясь по стволу или поднимаясь по нему вниз головой. Поползень широко распространен в лесной зоне Евразии (у нас — от Балтики до Камчатки), образовав ряд подвидов, отличающихся, например, развитием рыжего цвета на брюхе. Раз увидев эту птицу размером с воробья (вес около 25 г), с короткими лапами, крыльями и хвостом, с длинным клювом, сизовато-серым верхом, черной узкой маской, деятельно осматривающую стволы и ветки, периодически оглашающую лес гулкой свистовой трелью (отсюда народное название — ямщикок), поползень уже не спутаешь ни с кем. Если повезет, можно найти и гнездо поползня — в дупле, с входом, обычно обманчивым глиной. На Кавказе гнездится также более мелкий **рыжегрудый**, или черноголовый, поползень. Сюда же могут залетать из Закавказья **большой** и **малый скальные поползны**, оба крупнее обыкновенного, с одноцветным охристым надхвостьем, без черного цвета на рулевых. Их гнезда — глиняные постоянки в нишах скал. На юге Приморья гнездится (включенный в Красную книгу России) самый мелкий наш поползень — **косматый**, похожий на рыжегрудого, но без рыжей манишки. В семейство поползней ныне включают и **стенолаза**, обитающего в горах Кавказа, Средней Азии, на Алтае. Этот вид недаром часто называют краснокрылым. На общем серо-черном фоне оперения ярко-красные зоны, особенно на развернутых крыльях, выглядят весьма эффектно. Черное горло зимой белеет. Внешне стенолаз больше похож не на поползня, а на пищуху. С этими маленькими спутниками синичьих стай и отдаленными родственниками синиц стенолаза сближали и раньше. **Обыкновенная пищуха** (вес около 10 г), тоже прекрасный древолаз, поделила с поползнем сферы интересов, обследуя стволы снизу вверх, опираясь на хвост, как дятлы. Буровато окрашенную тонкоклювую пищуху весной выдает высокого тона свистовая, щебечущая трелька. По песне обыкновенную пищуху, гнездящуюся у нас в лесной зоне от Прибалтики до Дальнего Востока, можно отличить от **короткопалой**, залетающей на Кавказ, в Калининградскую обл. из Зап. Европы. Самец короткопалой пищухи поет однословно «твит-твит» с небольшой трелькой без щебетанья. У короткопалой пищухи коготь заднего пальца короче, спина темнее, бока бурее, клюв длиннее. Часто гнездятся пищухи под отщепами коры, формируя из веточек довольно ажурную постройку. Настоящим мастером гнездостроения является **ремез**, ближайший родственник настоящих синиц. Его гнездо-рукавичку, свитую из пуха ивы, рогаза, тонких веточек, можно найти у воды от юга лесной зоны до гор Кавказа и Средней Азии. **Обыкновенного ремеза** либо делят на множество подвидов (номинативный — с серой головой и узкой черной маской, кавказский — с рыжей головой и широкой маской и т. д.), либо разбирают на несколько отдельных видов, в т. ч. **тронниковый**, черноголовый (Ср. Азия), **китайский** (залет на Дальний Восток). На Дальнем же Востоке гнездится, строя ажурные конструкции, **буробокая белоглазка**. Мелкая, похожая на синицу и на пеночку, оливково-зеленая сверху, с белым брюхом, каштановыми боками, желтыми горлом и подхвостьем, белыми очками вокруг глаз, белоглазка — посланец большого одноименного семейства тропических птиц Старого Света. На Сахалине и Юж. Курилах отмечалась похожая на буробоку **японская белоглазка**, лишенная каштановых пятен на боках. Благодаря залетам на Чукотку, наша фауна пополнилась представителями Нового Света из семейства древесниц, или «американских пеночек». Была неоднократно зарегистрирована **мировая древесница** (мировой певун), размером с синицу, с лимонно-желтыми теменем, надхвостьем, пятнами по бокам темного зоба. Отмечался залет **речного певуна**, похожего на мелкого короткохвостого конька, с темным верхом и лимонным (у молодых) оттенком пестрого брюха. Напоминающая пеночку **малая вильсония** хорошо диагностировалась по желтым бровям, лбу, брюху, оливково-зеленой спине и черной шапочке. В связи с общим потеплением климата на северо-востоке России возможны залеты других американских видов, в т. ч. древесниц, в оперении которых нередко ярко-желтые тона. Точные регистрации подобных залетов (фото, шкурка и т. п.) представляются большой научный интерес.

В. ШИШКИН

Обыкновенный поползень
кавказский и
номинативный
подвиды

Стенолаз

Большой
скальный
поползень

Малый
скальный
поползень

Косматый
поползень

Рыжегрудый
поползень

Короткопалая
и обыкновен-
ная пищухи

Японская
белоглазка

Обыкновенный
ремец
у гнезда

Буробокая
белоглазка

Китайский
ремец

Миртовая
древесница

Обыкновенный
ремец
кавказский
подвид

Речной
певун

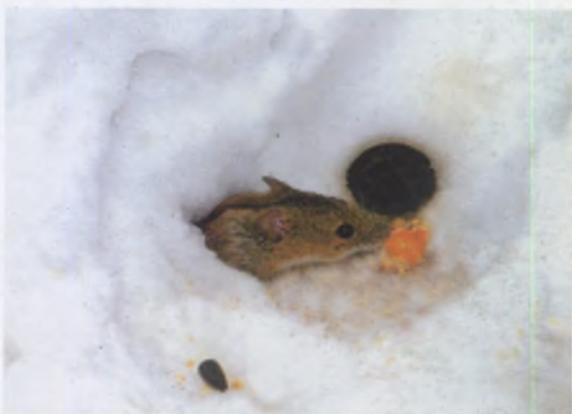
Тростниковый
ремец

Малая
вильсония

обыкновенный
поползень

Теремок

Индекс: 70673 — на полгода. Цена 37 рублей

ISSN 0131-2596. Охота и охотничье хозяйство, 2007, № 1, 1-48.